

КРАСНЫЕ
ЗВЕЗДЫ

ОЛЕГ
ГЕРАНТИДИ

НА ЧУЖОЙ ТЕРРИТОРИИ

ГЕРОИКО-ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Превосходящими силами

Олег Герантиди

На чужой территории

2006

Герантиди О.

На чужой территории / О. Герантиди —
2006 — (Превосходящими силами)

Гитлер опоздал. На рассвете 15 июля 1941 года Красная Армия нанесла упреждающий удар по фашистской Германии и её союзникам. Вермахт разгромлен за считанные месяцы. В ноябре 41-го пал Берлин. Но это лишь начало. На очереди – Соединённые Штаты. Карфаген должен быть разрушен! Красные звезды восходят над Америкой. Читайте новую сенсационную книгу Олега Герантиди, после которой вы окончательно перестанете понимать, какая версия истории настоящая, а какая выдумана автором.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Вашингтон, 21 августа 2001 года	6
Австрия. Август 1941 года	7
Трир. Ноябрь 1941 года	11
Район западнее г. Трира. Ноябрь 1941 года	13
Трир. Ноябрь 1941 года	21
Арденнский лес. Ноябрь 1941 года	23
Париж. Ноябрь 1941 года	28
Гавр. Франция. Декабрь 1941 года	30
Москва. Осень 1941 года	32
САСШ, Нью-Йорк. Декабрь 1941 года	33
Вашингтон. Осень 1941 года	36
Москва, Кремль. Осень 1941 года	38
Пригород Вашингтона. Декабрь 1941 года	40
Трир. Германия. Осень 1941 года	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Олег Герантиси

На чужой территории

ПРЕДИСЛОВИЕ

15 июля 1941 года Красная Армия нанесла превентивный удар по начавшим развёртывание в соответствии с директивой «Барбаросса» немецким войскам. Мощнейшие удары были нанесены по трём операционным направлениям. Из Белостокского выступа на запад и с поворотом на север, по Восточной Пруссии. Из Львовского выступа, прикрываясь на левом фланге Карпатами, на Краков, и из районов Черновиц и Бендер, имея правым флангом Карпаты, – по Румынии. В результате удара немецкие войска и их сателлиты частью попали в грандиозные окружения, а частью были разбиты порознь. Тактическая внезапность позволила Сталину захватить стратегическую инициативу, и германским стратегам осталось лишь с опозданием реагировать стремительно тающими войсками на очередные удары РККА. Вермахт, не имеющий опыта оборонительных боев, да и не готовившийся к такой войне, все быстрее исчезал под гусеницами танков мехкорпусов РККА. Отдельные контрудары, в пожарном порядке организованные немецкими генералами, уже не могли изменить бедственного положения германской армии.

Будущее единой Европы, так скрупулёзно и с такой энергией создаваемое Гитлером, оказалось под большим вопросом. В результате разгрома румынской армии правительство Румынии заключило перемирие с СССР и обратило оружие против своего сюзерена. Её примеру не замедлили последовать и соседние страны. Венгрия, Болгария, Чехословакия – все приняли деятельное участие в разгроме немецких фашистов. Правда, в этих странах пришлось провести некоторые социально-политические мероприятия. По прошествии нескольких недель с начала Великой войны Советского народа против немецко-фашистских агрессоров соединения Красной Армии совместно с частями Народно-освободительной армии Югославии вступили на территорию Третьего Рейха. Конно-механизированные группы почти одновременно перерезали шоссе Вена – Грац – Клагенфурт, отсекая редкие группы немецкой пехоты и толпы беженцев от возможности выйти в Рейх южным путём и обходя, насколько это возможно в горной местности, очаги сопротивления, прорывались вперёд, все дальше и дальше, захватывая мосты и аэродромы, железнодорожные станции и крупные склады.

Вашингтон, 21 августа 2001 года

Пожилая женщина, Эрика Фон, стоит у открытого окна с видом на столицу Северо-Американских Соединённых Штатов. Поздний летний вечер. Дневной шум почти затих, но город и не думает засыпать. Некогда спать, сейчас происходят такие события! В ночном небе, то там, то тут, вспыхивают огоньки автоматных очередей, мигают вспышки разрывов гранат. Идёт свержение ненавистного режима. Наступил звёздный час, её звёздный час. Жаль только, что этот её триумф не могут разделить с ней другие люди. Те, с которыми она почти шестьдесят лет назад приехала сюда. Все уже ушли навсегда, а из нынешних никто до сих пор и не знает, а кто догадывается, молчит в тряпочку, о её роли в событиях, которые навечно войдут в историю Северной Америки. Рушится последний бастион зла, трещит по швам проклятый Вавилон, а у неё единственная радость – дожила до этого счастливого мига.

Эрика включила телевизор, пультом пощёлкала каналы. Везде одно и то же – прямая трансляция штурма восставшими народными массами ограды у Белого дома. Конгресс и Сенат давно взяты, а сейчас в прямом эфире показывают, как толпа разносит стальной забор перед лужайкой, как в панике бегут к вертолёту президент и его команда. Полицейские ещё держат оборону, но на них уже никто не обращает внимания. Прошли времена всесилья спецслужб. Госпожа Фон точно знает, что прямо сейчас, под видом толпы, не менее сотни специально подготовленных людей уже взяли штаб-квартиру ЦРУ и потрошат секреты, которые ещё представляют хоть какую-то ценность.

По латинскому каналу вновь показывают, как в Новой Мексике некто Майкл Педро провозглашает независимость штата от Центрального правительства. Первой это независимое государство признала Куба, а за ней и все остальные страны Латинской Америки, в своё время натерпевшиеся «демократии» по-американски. Пока ещё только назревает отделение южных штатов, что-то не могут решиться латифундисты чёртовы, боятся новой вспышки негритянского насилия на улицах. Страна медленно, но неуклонно расплзается на большие и малые куски. А всего-то неделю назад президент, выступая в Сенате, уверял народ, что страна, как всегда, едина перед любыми угрозами, которые ей услужливо предоставляет весь остальной мир.

Австрия. Август 1941 года

Эрика фон Брокдорф, семнадцатилетняя дочь барона Клауса фон Брокдорфа, активистка Союза немецких девушек, уходила от зверств красных варваров. Даже не потому, что её папа – один из известных австрийских нацистов, которому в своё время сам Адольф Гитлер руку пожимал и приглашал стать бургомистром Линца, дорогого сердцу фюрера города. К стыду, Эрика поддалась панике, и когда её сердобольные родственники, дядя со своим многочисленным семейством, приличия ради позвали с собой, она, ни минуты не думая, побросала в свой рюкзак самые важные для молодой девушки вещи и прыгнула во второй автомобиль, которым управлял шурин старшего Брокдорфа. Рванула вместе с обывателями спасать собственную шкуру, вместо того чтобы защищать свою страну, свою Вену. Путь для бегства, по их сведениям, был открыт только на юг. С севера, из Словакии, наступали Советы, поэтому и курс взяли на Грац. Но огромные пробки на дорогах, забитых беженцами, не позволили быстро проскочить по не перехваченному врагом коридору, а к вечеру второго дня машины были конфискованы военной администрацией. Да и не жалко, все равно их пришлось бы бросить из-за отсутствия бензина на заправках. И Брокдорфы побрели уже пешком, надеясь, как многие сотни окружающих их людей, на удачу. На дороге между Винер-Нейштадтом и Нойекирхеном им стало известно, что русские уже в Граце, и в создавшейся панике Эрика «потерялась» и направилась в местную военную комендатуру. Там её приняли, конечно, не с распростёртыми объятиями, и зачислили на должность подносицы боеприпасов в батальон Фольксштурма.

Батальон, а это несомненно для него очень лестное название, состоял из сотни ополченцев, вооружённых чем попало. Тут были и винтовки, и карабины, даже несколько полицейских пистолетов-пулемётов МП-39, совершенно непригодных для настоящего боя. В качестве средства усиления выступал трофейный чешский станковый пулемёт и неизвестно как здесь оказавшиеся две 37-мм противотанковые пушечки на деревянном ходу. Командовал батальоном пожилой майор ветеринарной службы, а помогал ему хромой фельдфебель, ветеран Французской кампании, демобилизованный было по ранению, но обладавший несомненным опытом современной войны.

Фольксштурм занял оборону по обеим обочинам шоссе перед въездом в пригород Нойекирхена, на развилке дорог. Пушки поставили за насыпью, обложили мешками с песком, выкопали с помощью небольшого экскаватора траншею, протянули телефонные провода к наблюдательному пункту, расположившемуся чуть сзади. В тревожном ожидании прошли вечер и ночь, а под утро послышался нарастающий металлический лязг. По шоссе, в сопровождении небольшой группы конников, двигались три танка. Эрика ничего не поняла в происходящем. Часто забахала пушка, стоявшая на правой обочине. Левая почему-то молчала. Протяжно затарахтел пулемёт. Нестройно присоединились к ним винтовки и карабины. Эрика схватила пулемётную ленту и понесла её под свист пуль к траншее. Её сбил с ног неизвестно откуда взявшийся фельдфебель:

– Ты что, дура, сдохнуть хочешь!

Она из густой травы, подняв голову, попыталась рассмотреть подробности боя, но опять ничего не увидела и вынуждена была ползти назад, к НП. И там её хорошенько отmaterил майор, отчего желания воевать заметно поубавилось.

Советские танки сползли в кювет и оттуда стреляли из пулемётов, а конники вообще куда-то исчезли. В небе над позициями пролетел небольшой самолёт – биплан. А сразу же после этого на траншее обрушился град снарядов. Описать артналёт невозможно. Нет слов в обычном языке, чтобы рассказать, как вибрирует воздух, заставляя зубы мелкой дрожью стучать друг о друга. Как ходит под ногами бывшая ещё минуту назад такой надёжной земля.

Как неподъёмные предметы летают словно пушинки. Как фонтанами взлетают бревна перекрытий...

А потом со стороны тыла прилетели три штурмовика русских. Издалека дали залп ракетами, которые довольно кучно легли на центральную и правую позиции Фольксштурма, а затем, встав в круг, поочерёдно стали поливать траншеи пушечным и пулемётным огнём и засыпать их россыпями мелких осколочных бомб. Под прикрытием этого огненного ада к окопам ополченцев приблизились танки и спешенные конники РККА, и как только авианалет прекратился, коротким броском ворвались в них.

Фольксштурмисты, не ожидавшие такого развития событий, побежали, бросая оружие и прикрываясь насыпью шоссе. И Эрика тоже, только не вдоль дороги, по которой, набирая ход, понеслись танки русских, а забирая вправо, под прикрытием забора и лесополосы.

Из сотни ополченцев вряд ли двум-трём десяткам удалось избежать гибели или плена, а русские скорее всего и не понесли потерь вовсе. И Эрика, пробравшись в город, вновь присоединилась к грязным и закопчённым ополченцам, которые решили дать бой на улицах, используя своё преимущество в знании города. Решили, поскольку русских немного, перебить их огнём с чердаков, из окон верхних этажей и подворотен.

Эрике на этот раз досталась винтовка с двумя обоймами и три гранаты. Ополченцы уже воспринимали её как своего боевого товарища, прошедшего вместе с ними крещение огнём. Эрике досталось окно третьего этажа.

Солдаты противника приближались по улице к дому, в котором Эрика заняла позицию. Танки шли по краям мостовой, развернув пушки к противоположной стороне улицы, а за ними, прикрываясь броней, пригнувшись, крались спешившиеся кавалеристы. Все стволы нацелены на окна верхних этажей. Эрика, как учили в стрелковом кружке, приложила тяжёлый приклад винтовки к плечу, приподнялась в проёме окна и, быстро выцелив фигурку в жёлто-зеленой форме, выстрелила. Солдаты врага присели, а в ответ по окнам, разнося вдребезги стекла и рамы, брызнула длинная пулемётная очередь. «Пора менять позицию», – подумала она, но снова, перезарядив оружие, выстрелила в окно. Во время выстрела Эрика увидела, что один из танков наводит своё орудие на её убежище, и бросилась к выходу. Когда она уже проскочила коридор и схватилась за ручку входной двери, за её спиной рванул тяжёлый снаряд. Просвистевший осколок срезал у локтя её руку, державшую винтовку, а взрывная волна сгребла её, будто котёнка, и швырнула на стеклянный книжный шкаф. Эрика повалилась назад, увлекая за собой книги с тяжёлыми кожаными, с золотым тиснением, переплётками. Последнее, что она видела в своей жизни, это пролетающее мимо окна сбитое взрывом нацистское знамя.

Старшина Пилипенко, зам. командира группы Осназа, медведеподобный гигант, осторожно перевернул тело немецкой снайперши, погибшей от разрыва снаряда. Красивая светловолосая девчонка в маскировочном комбезе и в десантной каске. Стараясь не прикасаться к её груди, он выгасил документы из нагрудного кармана полувоенной куртки.

– Та-щъ капитан, посмотрите!

– Что там у тебя?

– Снайперша-то как на Полину из радиороты разведбата похожа!

– На какую ещё Полину?

– Радистка из разведбата и эта немка – одно лицо, да и фигура – один к одному.

– И что?

– А если её подменить. По документам – эта аж баронесса. Внедрить Полину куда надо.

– Пилипенко, от тебя я такой ахинеи не ожидал!

Старший майор Госбезопасности Павел Судостроев выслушал Чернышкова, помолчал, зачем-то коснулся «Гвардии» на груди осназовца. Улыбка чуть тронула его губы:

– Бред какой-то. Капитан, вам, конечно, спасибо за помощь в поимке Даллеса, но такие инициативы вы предлагайте своей бабушке, а не нам. И вообще, забудьте об этой фашистской сучке. У вас что, других дел нет?

Берия выслушал Судостроева внимательно, как всегда. Предложил, как и всегда, вина и фруктов, от которых Судостроев, как всегда, отказался. Походил по кабинету, подражая манере Сталина.

- А товарищ Голиков не перехватит девочку?
- Армейцам она неинтересна.
- Языки знает?
- Да, немецкий, частью английский и французский. Мама её – учительница, из бывших...
- Чудо просто. Родителей проверили?
- Пока не успели, работаем.
- Она же английский плохо знает.
- Контузия. Будет молчать и мычать...
- Не пойдёт. Ты бы поверил?
- Тяжёлая контузия... авиабомба. Но я бы не поверил.
- А что, по-вашему, американцы тупее вас?
- Они её будут пробивать на нацизм, пусть пробивают, здесь-то она чиста.
- Не жалко девочку? Ведь сырая совсем...
- Война, Лаврентий Павлович. Мы все рискуем.
- Ладно, попробуй. Только проведи её через курс языков, чтобы никакого акцента не было, да пусть спецы из ИНО с ней поработают на предмет быта баронов на Западе. Не спешите. Месяца два-три у вас есть. И вытащите поаккуратнее её из войск, чтобы никто ничего не заподозрил.
- Есть. Спасибо.

Полина Легкова родилась в небольшой деревеньке поблизости от Коврова. Это она знала из рассказов матери, но сама там так ни разу и не побывала. В 1925 году, трех лет от роду, её привезли в Наро-Фоминск, небольшой городок в шестидесяти километрах юго-западнее Москвы. Отец поступил на работу на военный полигон, вкалывал там от зари до зари механиком при каком-то танковом НИИ, а мать устроилась учительницей в школе посёлка при местной ткацкой фабрике. Хотя устроилась – не то слово. Не так устраиваются в жизни люди. Но все сыты, обуты, при деле. Дети, а их трое уже, ходят в садик и в школу. Что ещё нужно, чтобы быть «не хуже других»? И подрастающая дочь, гордость школы и в учёбе, и в спорте, и в художественной самодеятельности, подтверждает правильность принятого когда-то главой семейства решения – ехать в город.

Полина уже в восьмом классе поддалась всеобщему увлечению военно-прикладными видами спорта. Как только ей исполнилось шестнадцать, она записалась в парашютную секцию. Всю зиму изучали матчасть, учились укладывать парашют. Прыгали с двухметровых помостов, с парашютной вышки, но все это даже приблизительно не давало тех ощущений, которые возникают при настоящем прыжке с самолёта. Полина и не помнила себя, когда старенький У-2 повёз её на первый прыжок. В памяти остались лишь свист ветра в расчалках, страх испугаться и передумать, да нырок с крыла, как будто в ледяную воду. И тишина после того, как хлопнул купол парашюта, наполнившись воздухом.

Второй прыжок тоже прошёл нормально, теперь она во время свободного падения, продолжавшегося всего пару секунд, успела осмотреться в воздухе и даже слегка насладилась этим падением. Но настоящего, отчаянного страха нагнал третий прыжок. Если в первый, да и во второй раз тоже, она ничего не понимала, все на автомате, как её учили долгими зимними

вечерами, то теперь уже было все понятно... и страшно. Да ещё байки, которые травили бывалые парашютисты, да мысли о том, что в третий раз всегда что-то происходит. Прыгнула без замечаний, только для себя решила, что с парашютами пора завязывать. После школы были мысли поступить в институт в Москве, и аттестат позволял, да только у родителей не хватило бы денег на её обучение, несмотря на неплохую отцовскую зарплату. И Полина подала документы в училище при фабрике. Пока шло зачисление, началась война с Германией. Все ребята из её класса подали заявления в армию, но им отказали, сказав, что ваше время придёт ещё, пока учитесь! Полина сразу же забрала документы из училища и по совету отца пошла работать на полигон. Там месяц походила из кабинета в кабинет, переносила кипы каких-то ужасно секретных бумаг. Потом её заметил приехавший с фронта за новыми танками подполковник, и её рапорт подписали. Направление дали сначала на Западный фронт, но вскоре её переадресовали на Южный, и она попала в штаб танкового корпуса самого Рокоссовского. А когда в разведбате корпуса из-за случайной бомбёжки образовалась вакансия, то Полина с радостью сбежала подальше от навязчивых комплиментов штабников, излишнего внимания начальства.

Так и сражалась в разведбате, по очереди вместе со своими подругами днями и ночами вызывая по радио ушедшие в тыл врага разведгруппы и группы Осназа и переводя на русский язык радиоперехваты. Графики связи, системы позывных, сетка частот – все это было просто для неё. Когда в Австрии к ним в радиослужбу якобы случайно зашёл какой-то офицер, а кто в звании и не поймёшь, под кожаным плащом не видно новомодных погон, но по тому, как подобострастно заглядывал ему в глаза начальник связи корпуса, понятно, что птичка не из последних, у Полины отчего-то ёкнуло сердце. Знала бы она, как в эту минуту меняется её судьба. Ей, провоевавшей уже почти три месяца и видевшей, что война фактически заканчивается, предстояло продлить её на всю оставшуюся жизнь. Офицер в кожаном плаще краем глаза последил за её работой, потом ушёл. После смены её вызвал к себе начальник Особого отдела. В его кабинете помимо него был и тот «кожаный», и ещё один, в форме майора НКВД. Достали листок, прочитали обвинение в измене Родине в форме шпионажа. Ремень сняли, сгоняли начальника ОО за её вещами. Тот стонал, проклинал себя за то, что не разглядел её, подлую тварь, не разоблачил сам, пытался ударить. Но у наркомвнудельцев не забалуешь, и она «прошла» с ними в кремовую «Эмку». Проехав несколько километров, «кожаный» представился, назвавшись Павлом Судостроевым. И поздравил её с прохождением ещё одной проверки, предупредив, что теперь их будет в её жизни очень много. Потом – мягкий спальный вагон и тихая школа разведки в Кубинке.

Трир. Ноябрь 1941 года

К ноябрю войска Красной Армии загнали остатки Вермахта и фашистского государства на крошечный, по сравнению с июнем 1941 года, пятючок, расположенный к юго-западу от Рейна, ограниченный с юга Мозелем и включающий в себя помимо части Рейнской области города Бонн, Кёльн и Дюссельдорф. Гитлер объявил по радио этот клочок земли «последней цитаделью арийского духа» и запретил любые отступления. Летучие полевые трибуналы сотнями выносили смертные приговоры и немедленно приводили их в исполнение. Под удар подручных «папаша Гиммлера» попадали не только офицеры и генералы Вермахта, но и престарелые ополченцы, и малолетние добровольцы.

Красной Армии не удалось разгромить все войска противника до ухода их за Рейн, и теперь плотность построения Вермахта настолько возросла вследствие сокращения линии фронта, что любые атаки немцы без проблем отбивали и неоднократно контрударами громили атакующих.

Более того, в боях все чаще стали проявляться «добровольцы» из Бельгии, Франции, Швеции, а в качестве трофеев все чаще в руках наших солдат оказывались пистолеты-пулемёты Томпсона 1941 года выпуска, ещё не отполированные солдатскими руками, а автомобили и повозки французского, английского и американского производства, казалось, пахли заводской краской.

Представитель Ставки генерал армии Василевский и командующий Западным направлением генерал армии Жуков после очередной неудачной лобовой атаки, принёсшей значительные потери личного состава от пулемётного огня противника, решили искать успеха не на тактическом уровне, а на стратегическом. Ими была задумана операция по глубокому охвату противника с целью окружения его на этом пятючке и недопущения снабжения из других государств. Так как фланги территории противника были прочно прикрыты горным массивом Эйфель, удар решили нанести вдоль французской границы от Трира на Ахен и далее, с выходом в тыл обороняющейся группировке противника. Более того, и этого не знал Жуков, Василевский должен был по просьбе товарища Сталина вынужденными пересечениями границы спровоцировать маршала Петэна на объявление Францией войны Советскому Союзу. Операция незамысловатая, но на первый взгляд эффективная.

Майор Александр Чернышков, командир отдельной роты особого назначения Юго-Западного фронта, вернулся в расположение своего подразделения далеко за полночь. Несмотря на поздний час, приказал дежурному офицеру разбудить командира первого взвода и своего заместителя лейтенанта Пилипенко. Когда тот вошёл в здание аптеки, по совместительству служившее штабом роты, не слушая доклада, махнул рукой на стул, стоящий у стола.

– Ишь, чего удумали! Угадай, какую роль на этот раз нам предназначили.

Пилипенко только осталось пожать плечами.

– По новому приказу, мы должны будем обеспечить беспрепятственное прохождение ударной группировки фронта на глубину до ста километров.

– При дневном темпе, как всегда, двадцать пять – тридцать километров в день?

– Да не в этом дело. Мы ж не танковый корпус! Ну мост захватить – удержать, ну боевое охранение сбить... у нас даже броников не хватает, не говоря уж о том, что нет ни одного танка!

– Ну а что ты мне об этом сейчас говоришь? Надо было там возмущаться.

– Где – там?

– В штабе фронта, где ж ещё?

– Да ты что! Там генералов, как на шавке – блох. Меня там после первого моего писка по стойке «смирно» поставили и дышать запретили! Кто бы меня, майора, слушал-то, маршал Рокоссовский?

– Что-то я не понял. Рокоссовский же толковый мужик...

– Все мы толковые, когда спим зубами к стенке. Надо что-то решать. Дело здесь вот в чем. На нас свалили задачу развития успеха, сможем – не сможем, крайними жопами мы уже назначены. Поэтому всех собак будут вешать на нас, и нам нужно во что бы то ни стало добиться успеха.

– Что представляет собой операция фронта, хотя бы в общих чертах?

– Да как обычно. Артиллерией перемешают с землёй первую линию обороны немцев, те отойдут на вторую. Потом в бой пойдёт «бессмертная» пехота. Её прижмут к земле пулемётами. Пустят на неподавленную оборону танки, половину из них немцы сожгут. Но остальные прорвутся, и немцы, как обычно, побегут. А дальше – кто быстрее до следующего моста.

– И никакой фантазии?

– А какая фантазия? Позиционный фронт – этим все сказано.

– А мы при чем? Мы что, быстрее немцев бегаем?

– Вот и думай, чего хотел Рокоссовский? Сам говоришь, что он мужик толковый.

– Ну ладно, а если сделать так: первые снаряды, и немцы пошли во вторую линию окопов, сопроводить их пальбой до неё, а под прикрытием артподготовки мы занимаем первую линию. Потом мощный удар по второй линии, например, «катюшами»...

– Где их взять, фантазёр?

– Пусть предоставят, ведь это уже они нам срывают операцию... а в поддержку дают кого?

– Пока такого разговора не было.

– Проси танковую бригаду.

– Роте в усиление – танковая бригада?

– Да здесь задач – на дивизию, если не на корпус!

– Ладно, прорвёмся. – Чернышков отпустил Пилипенко спать, а сам засел за карту.

К утру план операции вчерне был готов.

Район западнее г. Трира. Ноябрь 1941 года

«Мессершмитт-109» с чёрным тюльпаном на фюзеляже уверенно шёл в покрытом кучевыми облаками небе. Эрих Картманн, ещё молодой, но бывалый пилот, которому удалось живым и невредимым проскочить десять боевых вылетов, впервые шёл ведущим, командиром пары. За ним летел новичок, Клаус Швайцер. Сам Картманн уже почти два месяца летал в русском небе, но только после сбития советского истребителя его заметили, а теперь он ведёт в бой молодого пилота. Эрих не любил в подробностях вспоминать свою первую победу. Вовсе не оттого, что она досталась ему дорогой ценой, а потому, что его интервью журналисту «Ангриффа» существенно отличалось от его доклада командованию, на что ему и указал командир истребительной группы.

На самом деле во время кутерьмы воздушной свалки он потерял ведущего и откровенно запаниковал, но, на его удачу, перед ним вынырнул из облака советский И-16, маленький бочкообразный истребитель, по которому Эрих успел дать пулеметно-пушечную очередь. И-16 и так уже дымивший, с разнесённым в клочья оперением, кувыркнулся, и этот момент заснял фотопулемет. Об этом Картманн честно рассказал командованию, и ему подтвердили победу.

Умолчал Эрих только о том, почему в часть он не прилетел на своём самолёте, а приехал на вездеходе пехотного полка, над позициями которого шёл воздушный бой. Командованию он не сказал, что его почти сразу же взяли в тиски три советских истребителя и потащили к себе на аэродром. Картманн с ужасом наблюдал, как приближается изрытая воронками линия фронта, но любые его попытки вывернуться из «коробочки» немедленно пресекались короткими, но точными очередями советских пулемётов, проходящими в сантиметре от кончиков крыла. И Картманн решился. Сбросив фонарь и отстегнув привязные ремни, он резким рывком направил самолёт вниз, а сам, оттолкнувшись ногами, выпрыгнул из кабины. Высоты полёта хватило для раскрытия парашюта, и через пару минут он уже топал к несущейся к нему машине пехотной части. Самолёт упал на нейтральной полосе, так что в его версию, что он был сбит, поверили. А журналисту Эрих напел, что он в тяжёлом бою, с крутыми виражами и петлями, свалил советского аса, героя СССР, но после этого на него навалилась целая советская эскадрилья, и его сбили, что тот радостно и опубликовал.

После этого какая-то невидимая рука понесла Эриха вверх. Не успел он налюбоваться на свою фотографию в «Ангриффе», как следом за этим приехал газетчик из «Фолькишер Беобахтер», а дальше – толпы представителей изданий поменьше. И Эриху поневоле пришлось строить из себя героя.

Сразу после взлёта пилоты четвёрки, в которую он входил, вволю наоравшись в эфир про «индейцев», которых следует уничтожить членам доблестной «охотничьей своры»-52, взяли курс в квадрат, в котором ожидалось прибытие русских бомберов, прикрытых небольшой группой истребителей. Радиоперехват подсказал, что формирование группы бомбардировщиков произошло, к ним присоединились истребители, и они уже на подходе. Вилли Баркхорн, командир группы, поднял четвёрку на шесть тысяч метров, после чего они встали в круг, высматривая добычу. Не прошло и нескольких минут, как показались русские самолёты. Девятка бомбардировщиков Пе-2, шедшая тремя звеньями в правом пеленге, сопровождалась четырьмя парами истребителей Ла-5. Баркхорн сразу же остановил атаку. При численном превосходстве истребителей противника атаковать было бы небезопасно. Прошли те времена, когда советские бомберы, конструкции начала тридцатых годов, летали без прикрытия, и сбить их всех до одного было делом нескольких минут. Советские ВВС тоже учатся, и прикрытия построено грамотно. Истребители расположены в два эшелона и взаимно прикрывают друг друга, а обстановка за ними контролируется стрелками бомбардировщиков. Баркхорн вызвал подкрепление,

решив нарастить силы и связать боем прикрытие, а лишившихся прикрытия «Петляковых» встретить на обратном пути, когда их потреплют зенитчики.

Но Эрих, следуя своему имиджу, крикнув в эфир, что он пошёл в атаку, ввёл свой самолёт в пики. За ним нырнул и Швайцер. Баркхорн что-то буркнул, но остался на высоте.

Эрих развернул пару со стороны солнца и, пикируя, развил огромную скорость. Проскочив ниже высоты, на которой шли советские самолёты, до сих пор не заметившие атакующую пару, он снизу вверх выпустил очередь из всего бортового оружия с упреждением по крайнему нижнему истребителю. Через три секунды Ла-5, удлинённая «Рата» с хвостом от ЛаГГ-3, пересекла огненный сноп и, перевернувшись через крыло, устремилась к земле. Эрих, сделав горку, резко ушёл в пикирование и с правым разворотом понёсся в глубь территории, контролируемой немецкими войсками. От советской колонны оторвались два истребителя, но вскоре развернулись и снова заняли строй.

Картманн поднял свою пару на шесть километров и сблизился с Баркхорном, тот показал большой палец в фонаре, и Эрих опять пошёл в атаку. Теперь советские истребители были начеку, навстречу приближающейся паре развернулись сразу три русских истребителя, и Эрих, дав очередь с расстояния в пару километров, отказался от продолжения атаки. Он, круто задрав нос самолёта, пошёл вверх. Русские тоже отвернули, пристроившись к девятке бомберов.

– Внимание, внимание, говорит Брест. В воздухе Кожедуб. Охотники, внимание, к вам приближается истребительная группа под командованием русского аса Кожедуба. Всем покинуть квадрат. Повторяю, к вам приближается истребительная группа Кожедуба. Всем покинуть квадрат.

– Эрих, уходим! Это Баркхорн.

– Подожди, Вилли. Пока они подойдут, я свалю ещё одного.

– Это никому не нужно...

Вернувшись на аэродром, Картманн заполнил анкету на сбитие трех истребителей и повреждение ещё пары. Все видели, что он стрелял по русским, и поэтому с готовностью подтвердили. Ведь летать предстоит в одних небесах, авось пригодится. Вечером Эрих весело и складно плёл журналисту «Военного дневника» о том, как он и их четвёрка разогнали целую тучу советских бомберов, и только то, что те рухнули на советской территории, не позволило им записать на свой счёт по десятку сбитых машин. Но союзники шлют и шлют самолёты, экономика США в порядке, а у русских много народу, и поэтому настоящим асам воздушной войны хватит работы ещё надолго.

Потрясённый журналист ушёл, а Картманн вместе с Баркхорном закрылись в домике, в котором квартировали, и, открыв «Камю», решили отпраздновать свою сегодняшнюю победу. Победа состоит ведь не столько в том, скольких врагов ты свалишь с небес, а и в том, что сам до этого вечера дожил. Это Картманн воюет недавно, а Баркхорн уже год на фронте и видел, скольких суперасов закопали советские «неумёхи». Не чета им были лётчики, и в круговерть воздушных свалок врывались отчаянно, и в гущу советских бомберов влетали, чихвостя их в хвост и в гриву. И где они все?

Тепло коньяка благостно разливалось по телу, и мысли все дальше уносили от грязи и вшей фронта. Постепенно разговор перешёл на личные темы. Эрих рассказал о том, как он познакомился с Урсулой, своей невестой. Рассказал о своей мечте: когда закончится война и ненавистные большевики будут загнаны за Урал, он построит большой трехэтажный дом с видом на Днепр и будет жить-поживать, основав свою собственную династию. Построит лётное поле, купит планёр и самолёт, нарожают с женой пацанов, и он, их отец, выпустит их в небо. На что Вилли, недобро ухмыляясь, отвечал, что до времени этого прекрасного нужно ещё дожить, а так все нормально, толково придумано. Вот только непонятно, на какие такие шиши ты собираешься все это заполнить.

– Но ведь фюрер обещал, что всем ветеранам, особенно заслуженным, будут переданы в собственность поместья вместе с крестьянами. Именно поэтому до сих пор немецкая администрация и не распустила колхозы, ведь это идеальная форма хозяйствования, которая позволяет организовать и нормальный контроль, и нормальный доход хозяину.

– А как ты собираешься руководить таким колхозом, ведь ты в сельском хозяйстве ни черта не петришь?

– А как это делается во всем мире? Найму управляющего, он и будет вести дела, а я только, как в своё время западные сюзерены, буду втайне от Урсулы осуществлять право первой ночи...

– Так чего ж ждать? Вон на дворе, в бане, твоя будущая наложница. Иди, покажи ей, какое будущее ожидает и её, и её детей! То-то, сынок, кишка тонка!

– А ничего и не тонка. Только они ещё не привыкли к тому, что мы хозяева на этой земле. Будет визжать и сопротивляться. И поставит меня в глупое положение перед подчинёнными.

– Я же говорю, что кишка тонка. Я – воин, высшая раса! А приболтать славянскую сучку слабо тебе?

– Да ничего не слабо. Запросто. Они ведь тупые как пробки. Вот приглашу её на ужин, а там и натяну.

– Не пойдёт она с тобой. Хочешь пари? Ставлю бутылку настоящего «Мартеля», что не сдастся тебе эта русская фрау.

– Мало бутылки. У меня их почти пол-ящика.

– И ещё две победы в воздухе в придачу.

– Идёт.

– Только никаких избиений, угрожать можешь, но не замахиваться даже, только словами!

– А как я ей смогу объяснить, чего я от неё хочу, если я по-русски ни слова не знаю, а она по-немецки ни бум-бум.

– А вот это уже твои проблемы.

Эрих накинул френч, вышел во двор. Подошёл к невысокому забору и, закурив, облокотился на него, выглянул наружу. На перекрёстке стояли два солдата патруля, выделяясь чёрными силуэтами на белом пушистом снегу. Солдаты о чем-то неторопливо трепались, а офицер в стороне раскуривал папиросу. За деревней, на аэродроме, на котором базировалась 52-я охотничья эскадра, техники гоняли только что отремонтированный мотор «Мессершмита», а в самой деревне ни огонька – светомаскировка, только слышны звуки патефона из соседней хаты, где идёт большая пьянка, организованная только что пришедшим пополнением по поводу первого боевого вылета. «Сколько вас останется к пятому вылету, сынки!» – Эрих зло сплюнул на снег.

Полная луна пыталась высветить грешную землю сквозь тёмные тучи, несущие снеговые заряды. Вдали влаивал цепной пёс. Эрих сразу же пристрелил собаку во дворе дома, в котором им с Вилли определили квартиру. Ещё схватит за ногу, а охрану и аэродромный патруль обеспечит. Картманн докурил папиросу, швырнул окурочок на улицу и пошёл к бане, в которой жила прежняя хозяйка дома с двумя своими детьми. Эрих вспомнил её пухлые губы. Чуть толстовата, на его взгляд, но молода, подвижна, ловко управляется с вилами, когда мечет сено корове на заднем дворе, и топором, когда колет дрова. Странно, что он раньше не обращал на неё внимания, ведь живут бок о бок уже два месяца, а словно существуют в параллельных мирах. Ведь его мечты о Урсуле постоянно приводили к тому, что в лётной учебной казарме молодые курсанты называли спермотоксикозом, то есть состоянием, при котором уже и думать ни о чем не можешь, кроме как о близости с женщиной. Он властно постучал ногой в низенькую дверь бани. Внутри что-то загремело, и вскоре женщина спросила: «Кто там?»

– Ком хир, матка, ком!

– Что вам? – Женщина вышла, пригнувшись, из бани, в валенках на босу ногу, в одной ночной рубашке, кутаясь в просторный шерстяной платок.

– Ви хайст ду?

– Чего?

– Их хайзе Эрих, унд ви хайст ду? Наташа? Маша? Даша?

– А, зовут как? Варвара. Варя.

– Барбара? Варья?

– Ну пусть будет Барбара, и что?

– Ком цу мир, Варья, банкет, водка, фиш кушать, говорить.

– Какой банкет, нет, я не могу, дети... да и замужем я, нельзя мне.

– Ком, Варья, – Эрих властно взял её за руку, но вспомнил, что по условиям пари он не имеет права применять физическую силу, резко бросил её руку и строго сказал: – Варья, ду хабст цвай киндерн. Шиссен киндерн, пиф-паф. – Он указательным пальцем показал, как стреляют из пистолета. – Ком, шнеллер.

Женщина сразу как-то съёжилась и, опустив голову, пошла вслед за Картманном. Тот, громко топая сапогами в прихожей, очистил их от налипшего снега, пропустил её вперёд, в кухню, где сидел над очередным стаканом коньяка Баркхорн. Тот молча налил в стакан коньяка на два пальца и подал его женщине. Та, давясь, выпила его содержимое, поставила стакан на стол и, сгребя концы платка на груди, начала всхлипывать. Картманн взял её за локоть и галантным жестом указал на спальню. На негнущихся ногах женщина прошла за занавеску. Эрих, обернувшись из проёма двери Вилли, подмигнул, не сучай, мол, и задёрнул штору.

Вилли налил себе ещё коньяка, закусил шоколадом и задумался. Лётчики суеверны. Когда ходишь каждый день под ножом гильотины, готовым сорваться в любую минуту, поневоле станешь обращать внимание на всякие «знаки», которые мерещатся из разных углов. И он решил для себя, что отныне будет поступать по наитию, по первому своему решению, которое нужно принимать, не обдумывая, только так можно – на интуиции – проскочить весь ад этой войны. «Делай, что должен, и будь что будет!»

За занавеской раздался треск разрываемой материи, женщина заголосила, но тут же сразу раздались шлёпки пощёчин и яростный шёпот Эриха, и она утихла. Баркхорн усмехнулся, услышав глагол «шиссен» – расстрелять, – кавалер, блин. Взвигнули пружины матраса. После непродолжительного пыхания и возни железная кровать стала ритмично стучать козырьком по стенке, после чего Вилли сплюнул на пол и, сгребя лётную куртку под мышку, пошёл на двор. Там, покурив, он решил, что сегодня он не вернётся в дом, а заночует у молодых лётчиков, в хате которых гульба шла столбом, пелись песни и играла музыка.

Наутро Вилли, чуть свет продрал глаза, с жестокого похмелья мучаясь головной болью, пришёл в дом. Картманн спал, но Баркхорну это не помешало начать греметь посудой, чтобы приготовить завтрак. То ли запах яичницы с тушёнкой, то ли звяканье горлышка бутылки о стакан разбудили Картманна, и он вскоре в одних трусах присоединился к застолью.

– Я все сделал по правилам пари? – спросил Картманн у Баркхорна.

– Рад за тебя, после вылета победы с меня.

– А что с погодой? Вроде как снег не перестаёт.

– Скоро рассветёт, давай-ка побыстрее.

Баркхорн налил в кружку горячего кофе и с сигаретой подошёл к окошку. Там Варвара развешивала бельё на верёвке: детские рубашки, штанишки, полотенца. К забору подошли две старухи, что-то сказали Варваре. Та подошла к ним, и они стали переговариваться, причём разговор был довольно эмоциональным. Вилли не мог слышать, о чем говорят на улице женщины, да и не знал русского, но внутренним чутьём понял, что речь идёт о ночном «происшествии». Его догадку подтвердили и старухи. Одна из них, повыше ростом, замахнулась и ударила по

щеке Варвару, та отпрянула, и вторая попыталась ударить, но не дотянулась через забор и что есть силы плюнула. Баркхорн, усмехнувшись, поставил кружку на стол и пошёл одеваться.

В этот день вылетов не было. Низкая облачность придавила авиацию к земле, и лётчики 52-й «охотничьей своры» коротали время на аэродроме, играя в карты, читая письма, а то и просто подрёмывали. Эрих вернулся домой позже Баркхорна, а тот встретил его стаканом водки.

– На, выпей, помяни душу грешную. – Баркхорн был уже сильно пьян.

– Кого помянуть? Сегодня же не было полётов.

– Душу загубленной тобой женщины.

– Кого? Вари? Как это – загубленной?

– Повесилась твоя наложница. Проиграл ты, хотя пари честно выиграл.

Картманн хлестанул из стакана водки, сморщился протянул руку к столу за закуской, но там, кроме нарезанного крупными кусками лука, ничего не было. Он, давясь, закусил, слезы брызнули из глаз, а пьяный Баркхорн продолжал:

– Что слезы льёшь? Крокодиловы слезы-то получились, крокодиловы!

– Ты это... думай, о чем говоришь!

– А что, ты мне решил рот заткнуть? Ас! Да ты такой же, как все мы, насильник и убийца!

– Вилли, – не поверил своим ушам Картманн, – это ведь ты со мной заключил пари, это ведь с тобой мне делить ответственность за...

– Перед кем – ответственность? Кто тебя будет судить? Советы? Так не попадай им в плен. А наши... – он махнул рукой.

– Что наши?

– А вот что. Этот из «Ангриффа», ты думаешь, он простой корреспондент, а он – большая шишка при Геббельсе. Он приехал искать нового героя из Люфтваффе, вот поэтому наш командир и пишет тебе в сбитые все, что ты ни насочиняешь. Только ты ври, ври, да перед нами нос-то не задирай. Мы-то, простые лётчики, знаем цену твоим подвигам...

– Но ведь ты сам меня спровоцировал заняться русской.

– Сам. И знаешь почему? Да потому, что ты не обо всех своих подвигах пишешь своей Урсуле.

– Ты что, читаешь чужие письма?

– Я иногда читаю газеты, которые их печатают. Почему твои письма печатают, а мои письма, которые я мог бы написать своей жене и детям, не печатают. Потому что мои родные погибли от английских бомб?

– Зачем ты это сделал, Вилли? Чтобы посмеяться надо мной?

– Эх, сопляк. Я это для себя сделал. Ты думаешь, что ты один такой, уникал. А как быть мне? Я-то ведь тоже оседлал полгода тому назад одну русскую. Правда, она совсем молоденькая была. Школьница ещё. Ах, как же она отчаянно сопротивлялась! Только потом она сошла с ума. И ведь меня, так же, как я тебя, спровоцировали. Они погибли до тебя, эти двое австрийцев, над Ржевом. И они тоже прихватили в хате одну русскую. А у неё – трое детей под печкой, а на печке старая мать. Так вот она ими пыталась прикрыться, не могу, мол, дети смотрят. Эти австрийцы сначала застрелили детей, потом старуху, все, нет препятствий для группового секса. И метелили её всю ночь. А наутро она взяла топор и на них. Хорошо, пистолет рядом был. Только не сильно он им помог. Обоих в следующем же бою русские сожгли. Такова война, умри ты сегодня, а я завтра.

– Зачем ты и меня втравил в это?

– Да затем, что когда вокруг такая грязь, теперь я могу чувствовать себя спокойнее, не один я в неё вляпался...

Картманн сжал кулаки, но вовремя поборол в себе гнев. Это ведь только недочеловеки не могут справляться со своими эмоциями, а Белокурому рыцарю Третьего Рейха не пристало

им уподобляться. Он улыбнулся и, не прощаясь, вышел на улицу, под снег. Что-нибудь придумаем...

Эрих подошёл к своему самолёту. Поднялся на крыло, откинув фонарь, заглянул внутрь. Все в норме. Пушки на предохранителе, ремни сложены. Блок предохранителей... он открыл крышку блока, вытащил фишку предохранителя фотопулемета и, оглянувшись по сторонам, зашвырнул её в снег, а на место вставил сгоревший, подобранный в пепельнице у техников. После чего, спустившись с крыла, начал внешний осмотр самолёта.

В полет опять пошли двумя парами, цель полёта – патрулирование в глубине русской территории. Вёл группу, как повелось, Баркхорн, Эрих со своим ведомым выше и сзади, прикрытые задней полусферы. А при обнаружении противника – пара Баркхорна отвлекает внимание противника на себя, а Картманн бьёт из засады, из туч или со стороны солнца.

Против 52-й эскадры уже две недели действовал 176-й гвардейский истребительный авиаполк. Лётчики этого полка успели за это время снять почти всех асов «своры», и Картманн решил воспользоваться этим. «Сталинские соколы» теперь не только сопровождали свои бомберы, но и активно вели воздушную «охоту». Так и сейчас – в разрывах облаков Картманн, обладающий исключительно острым зрением, увидел мелькнувшее звено Ла-5. Эрих предупредил о них Баркхорна, а сам стал поднимать свою пару выше. Баркхорн должен выйти им с фланга и нанести удар, одного он успеет срезать, но другие сожгут его, и все, не будет свидетеля его проступка. И с небольшой задержкой – весь в белом – Картманн, воздушный рыцарь Рейха, сбивает всех русских, убивших его верного товарища.

Картманн ошибся, когда Баркхорн выскочил из тучи, он не осмелился нанести внезапный удар по «Лавочкиным», слишком много их оказалось, и Вилли, заложив крутой вираж, снова ринулся в облака. Только вот его ведомому, Кремеру, повезло меньше. Советские истребители, предупреждённые внезапным пролётом Баркхорна, были начеку и сняли его первой очередью.

Картманн умелым манёвром скинул Швайцера с «хвоста» и вышел чуть сзади и выше Баркхорна. Прицел, упреждение, короткая очередь, и снова в облако. Он не смог разглядеть результаты атаки и вновь вынужден был повернуть в сторону «Мессершмитта» с номером 13. Пули прошили капот двигателя, но тот не загорелся, только лохмотья дюрала указывали на попадания. Картманн поднырнул ниже самолёта Баркхорна и на выходе из пикирования вновь ударил снизу, прошив пулемётной очередью кабину Вилли. Истребитель повело вправо, потом он резко перевернулся вниз фонарём и, кувыркаясь в штопоре, устремился к земле.

– За что, Эрих, за что?.. – раздалось в наушниках Картманна, а по кабине и плоскостям, словно молнии, прошлись несколько бронебойных пуль. Картманн резко отвернул, моментально облегчил винт и добавил оборотов, но тут же понял, что крепко влип. Повернувшись, он увидел за хвостом своего самолёта нарастающий капот двигателя советского Ла-5, весь окутанный огнём, вылетающим из стволов пушек и пулемётов. Разлетелось на мелкие осколки бронестекло кабины, и пуля винтовочного калибра хлопнула Эриха по левому плечу, вырвав ключицу и забрызгав кровью переднее стекло.

– За что, Эрих, за что?.. Эрих! Эрих Картманн! – звучал в наушниках голос Баркхорна, хотя его самолёт давно уже скрылся в облаках. И снова по плоскостям и кабине «сто девятого» прошла сметающая все на своём пути очередь «Лавочкина», и снова удар пуль, теперь уже по спине.

– Эрих! Эрих Картманн!

И Картманн проснулся. Над ним стоял его ротный, капитан Ундерберг и, хлопая по спине, пытался разбудить Эриха. Тот, продрав глаза, безумно оглянулся вокруг. Исчез самолёт, исчез аэродром под Смоленском, исчез 1943 год. Картманн, с трудом отходя от сна, начинал воспринимать окружающую его действительность. Такие сны стали мучить его недавно. Только вот откуда простому пехотинцу авиаполевой дивизии знать подробности устройства не только

немецких самолётов, но и про новейшие, ещё не принятые даже на вооружение ВВС РККА Ла-5? Откуда он, никогда не бывавший в России, может помнить типично русские имена, типично русские ландшафты? Откуда знать ему, каким пушистым может быть снег, когда на улице минус двадцать? И как он может искриться на морозном солнце. Впору поверить после таких снов не только в подсознание, но и в другие бредни, вроде единого информационного поля Земли.

Картманн летал, он действительно умел пилотировать. Этому его научила мать, владелица небольшого аэродрома и частной лётной школы. Только, в силу своей молодости, летал он лишь на планёрах. Когда коммунисты напали на Третий Рейх, её аэродром вскоре попал под атаку советских штурмовиков. Одноместный «Шварцтодт» долго полосовал пушечными и пулемётным и очередями стоящие под открытым небом планёры и спортивные самолёты. Потом долбанул ракетами по ангару и ремонтным мастерским, а затем высыпал россыпь мелких бомб на их с матерью дом. Сам Эрих в это время был на лётном поле и уцелел, а мама погибла в рухнувшем после взрыва доме. После этого Эрих пошёл добровольцем на войну, но самолётов в Люфтваффе оказалось меньше, чем оставшихся в живых пилотов, да и тем уже не хватало бензина для отражения атак советских штурмовиков. А они ещё больше вгоняли экономику Рейха в каменный век, сжигая все на своём пути и расчищая дорогу танковым и механизированным корпусам. От авиаполевой дивизии имени Германа Геринга к концу года уже мало что осталось. Пополнение не приходило, да и неоткуда ему приходило, почти вся страна, вместе с призывным контингентом, уже захвачена русскими, а ввиду полного прекращения снабжения и оружие, и боеприпасы приходилось добывать самим. Постепенно исчезли и зенитные, и противотанковые пушки. Танков не было с самого начала. Винтовки, пара пулемётов, около трехсот солдат, вот и вся дивизия. Но те, кто остался, сами понимая, что живыми они не нужны ни немцам, ни Советам, бьются не на жизнь, а на смерть. И делают это достаточно умело.

Теперь дивизия имени Геринга прижата к французской границе, и её, по французской территории, уже обходят советские танки и бронемашины. Командир дивизии генерал Кессельринг принял решение прорываться на французскую территорию. Всем ясно, что война между Советами и Францией не за горами, хотя бы потому, что Франция не интернировала оккупационные войска, а согласилась с их статусом экспедиционных войск, что немисливо для великой державы, и взяла на своё снабжение. И теперь каждый, кто хочет продолжать сражаться или просто надеется выжить, должен приложить все силы к прорыву.

Эрих поднялся, оперевшись о ствол дерева, под которым ночевал, забросил на спину тяжёлый ранец и поднял на плечо свой верный «маузер». Ноги в мокрых ботинках замёрзли, как замёрзла и спина, и руки. Последнее время его постоянно трясло от холода. Невозможно простирать и просушить одежду, или хотя бы высушить носки. Хорошо русским с их портянками: перемотал другим концом, и ноги в тепле и в относительной сухости, а что делать, когда распозающиеся от грязи носки постоянно промокают?

Полевую кухню русские разбомбили два дня назад, а раньше именно около неё собирались разрозненные группки солдат, как и всегда в отступлении. И готовить пищу, милосердно пожертвованную немцами бюргерами, приходится на костре, что небезопасно, особенно ночью. Путь во Францию лежал по коммуникациям наступающего мехкорпуса русских, и немцы, без всякой артподготовки, ввиду отсутствия артиллерии, пошли на прорыв. Перескочили шоссе, ведущее из Саарбрюккена во Францию, но по нему уже спешили русские танки и броневики. Часть солдат попадала в кювет, открыв огонь. Командиры, а за ними и другие солдаты рванули под прикрытие леса, начинающегося в нескольких сотнях метров от шоссе. Эрих тоже оказался в этой группе, но наперерез им выскочил на поле и понёсся броневик, ведя огонь из пулемётов. Они стали по нему стрелять на ходу, но что могли сделать винтовочные пули бронированной машине. Танки с шоссе начали стрельбу из пушек. Дым и даже огромные

султаны взрывов помогали укрываться от выстрелов, но свистящие вокруг пули и осколки все равно срезали бегущих. Эрих, уже не пригибаясь, нёсся во весь опор к своей цели, будь что будет, упасть – значит погибнуть или попасть в плен, что равнозначно, и он только и видел перед собой окраину леса. Не добежал он до неё всего-то нескольких шагов. Не добежал никто.

Трир. Ноябрь 1941 года

Наутро майор Чернышков, чисто выбритый, принявший душ, с начищенными до фиолетового сияния сапогами и с орденом Суворова, которым он был награждён одним из первых в Красной Армии, правда, самой младшей, третьей степени, на груди, направился к соседям в штаб стрелковой дивизии. Штаб располагался в местной гостинице. Найти его для опытного разведчика и без помощи посторонних не составило труда. Наши штабы всегда выделялись обилием проводов связи, тянувшихся к ним со всех сторон. Доложив о себе, он после приглашения прошёл в комнату комдива, генерал-майора Пиотровского.

Толстощёкий бритый генерал-майор, сидя в резном кресле, с интересом читал какие-то бумаги и на Александра обратил внимание лишь через минуту, с неохотой оторвавшись от чтения.

– А, герой, кверху дырой, пришёл – заходи, гостем будешь.

Чернышков чётко, по-уставному, доложил о своём прибытии, а сам про себя подумал, что этот индюк уже отрывался от чтения, когда адъютант докладывал ему о приходе майора, так чего ж он строит из себя интеллигента, умеющего читать, и ведь в итоге не ошибся с его оценкой.

– Ты мне, сынок, не тыкай в нос Уставом, я в своё время сам его писал... а нарываться не надо, не надо...

– Товарищ генерал-майор, смею напомнить вам, что моё подразделение не поступило к вам в подчинение, а только временно придано для усиления ударной мощи вашего фронта. Поэтому, – голос и взгляд Чернышкова, при всей внешней индифферентности к происходящему, становились злыми, – попрошу обращаться ко мне в соответствии с Уставом и традициями Красной Армии.

– Хорошо, сынок, традиции так традиции. Решили мы, что негоже тратить силы вверенной мне дивизии до момента, когда перед нами будет открыт выход на оперативный простор. А ломать оборону некому, тебе придётся её ломать.

– Командующий фронтом знает о вашем решении?

– Пока не знает. А узнает, так с энтузиазмом поддержит. И не смотри на меня так, ты, сынок, теперь не у себя в НКВД, а на фронте. Это тебе не зубы бедолагам напильником стачивать, здесь ФРОНТ.

Чернышков молча откозырнул, повернулся через левое плечо и вышел из пыльной комнаты, именуемой штабом стрелковой дивизии. Не заходя в своё расположение, он оседлал трофейный «Кюбельваген» и во весь опор понёсся в штаб корпуса, благо что и повод имелся, Чернышков ещё не представился комкору. Когда он узнал в командующем корпусом генерал-майора Черняховского, от сердца сразу отлегло, солдатская молва очень высоко ценила молодого комкора.

Генерал Черняховский коротко посмеялся, узнав о намерениях Пиотровского, подробно расспросил майора о его соображениях по поводу предстоящей операции. В основном одобрил их, при этом задавал настолько толковые и грамотные вопросы, что Александр и сам невольно зауважал комкора.

Следующие три дня и три ночи гвардейцы-осназовцы шерстили передний край немцев. Кстати, именно они и обнаружили прибытие французских «добровольцев». После этого майор смеялся над самим собой и над Пилипенко, вспоминая тревоги той ночи. Тут сама судьба давала шанс отличиться, подставив под удар его ребят помимо и без того не очень сильных немцев ещё и французов.

Прорывать фронт на совещании в штабе корпуса решили не в том месте, где будет основной удар артиллерии, а в трех километрах правее, под прикрытием дымовой завесы, на стыке

между французским отрядом и 7-й танковой дивизией немцев, в которой от танков остались лишь воспоминания. Атаку запланировали после удара гвардейского миномётного дивизиона «катюш».

К 12 ноября сосредоточение в основном закончилось, и после короткого, но яростного артналёта дивизия Пиотровского пошла вперёд. А с тыла по немецким окопам ударили осназовцы Чернышкова, просочившиеся предыдущей ночью в расположение противника. Оборона была подавлена в течение двадцати минут, и уже через полчаса после начала артподготовки корпуса Юго-Западного фронта один за другим стали вливаться в Арденнский лес.

Пользуясь преимуществом в мобильности, Красная Армия рокировала свои войска на место прорыва, и после того как во фланг наступающей по германской территории 47-й стрелковой дивизии ударили несколько батальонов бельгийской пехоты, два танковых корпуса развернули наступление на Брюссель и Антверпен. И вновь, как это и бывало неоднократно, впереди танков 6-го гвардейского танкового корпуса на трофейных машинах, броневиках и мотоциклах рвались вперёд осназовцы.

Арденнский лес. Ноябрь 1941 года

В деревню, в которой расположился французский горнострелковый батальон войск СС, вошли несколько десятков оборванных, грязных солдат новоиспечённой бельгийской армии. Вооружённые немецкими пистолетами-пулемётами, винтовками, в английском обмундировании, переданном им немцами из трофеев, захваченных в Дюнкерке в прошлом году, они представляли довольно жалкое зрелище. Без тяжёлого вооружения, без техники. Это были остатки войск прикрытия границы, которые должны были со всей строгостью «суверенного» государства следить за нерушимостью границ. То ли русские, как всегда, что-то напутали с картами, то ли действительно перешли границу, но бельгийцы предприняли атаку во фланг ударной группировки Красной Армии, наступающей по территории Германии. Советы даже не выделяли особых подразделений, отправили танковую бригаду с поддержкой стрелкового батальона, и они загнали бедных вояк, минуя собственно Бельгию, даже на территорию Франции.

Майор Жак-Франсуа Ле Пэн, командир батальона, определил им несколько крестьянских домов, и когда они на другое утро несколько оправались от поспешного бегства, стал решать, что с ними дальше делать. Пока большие начальники решали, солдаты, те кто не ранен, облюбовали местное футбольное поле, и через некоторое время на нем состоялся международный матч по футболу между армейскими сборными Франции и Бельгии.

Чернышков в таких операциях всегда участвовал сам. А как ещё возможно руководить своими подчинёнными, если не можешь вмешаться в ситуацию, а через линию фронта это очень трудно сделать, и исправить её. Он всегда удивлялся расположению полковых и дивизионных наблюдательных пунктов стрелковых частей. Как умудрялись командовать военачальники, не видя действий ни своих, ни противника, для него всегда было тайной, наверно, они слово волшебное знали. А сам он всегда был в первой шеренге, если такое слово позволено при описании работы Осназа. Сейчас его парни, оставив на своей стороне все имущество, навьюченные, как мулы, оружием и взрывчаткой, готовились поддержать ударом по тыловым коммуникациям прорыв фронта. Немцы и французы не ждали здесь настоящего прорыва, поэтому и оборона в глубине строилась по принципу опорных пунктов.

Немецкая военная наука к этому времени сделала достаточно большой шаг, разработав теорию «шверпункта», ключевой точки обороны, борьба за которую и удержание которой является ключевым моментом для достижения успеха в оборонительной операции. Советский Осназ знал об этом. И Чернышков искал сейчас тот самый «шверпункт», захватили разгром которого позволит развалить всю оборону немцев. Ту самую «избушку лесника», за которую порой разворачивались самые кровавые и ожесточённые, и при взгляде непосвящённого, самые бесполезные сражения.

И эта «избушка», точнее небольшой посёлок Кляйнегерсдорф, был найден. В трех километрах от линии фронта, а это в горной и лесистой местности достаточно большое расстояние, на перекрёстке дорог, в нескольких каменных домах, окружённых каменными же заборами, расположился немецкий опорный пункт. Своим огнём он прикрывал выход из теснины в долину, а сам при этом был закрыт от наблюдения с воздуха вековыми деревьями. Помимо десятка пулемётов из подвалов домов торчали стволы «гадюк», длинноствольных 50-миллиметровых противотанковых, пушек. Во дворах, за каменными сараями тянули к небу свои хоботы крупнокалиберные миномёты. Такой «шверпункт» мог остановить танковую бригаду и заставить отступить, теряя десятки солдат, стрелковую дивизию. Та линия обороны, в которую упёрлись наши части, была только предпольем, настоящее сражение должно было, по мысли немецких командиров, развернуться здесь.

Сразу же в штаб корпуса ушла шифровка о найденном опорном пункте. И ответ не заставил себя ждать – уничтожить противника.

Рота Осназа расположилась повзводно на горном кряже вдоль всей дороги. Отделение управления, а это связист с рацией да сам Чернышков, заняли место рядом со скалой, нависающей над дорогой, ведущей к Кляйнегерсдорфу. Взводы тоже были расположены так, что в любой момент они с места своей стоянки могли нанести огневое воздействие по противнику, пытающемуся воспользоваться дорогой. Конечно, с точки зрения бывалого диверсанта, это было неправильно, стоянка должна находиться вне зоны, в которой предполагаются действия отряда, но у Чернышкова не было времени, а главное, не было насущной необходимости; оборудовать такой схрон.

Атаку назначили на закате. По плану майора, первый и второй взводы должны, после удара нашей авиации, атаковать и уничтожить с тыла гарнизон опорного пункта. Третий взвод блокирует подступы с северо-запада, откуда может прийти подкрепление.

Вооружение, которое осназовцы перетащили через практически непроходимый перевал, составляло по одному крупнокалиберному пулемёту и по противотанковому ружью на взвод, остальные десантники были вооружены либо самозарядками СВТ, либо ППШ. У каждого, помимо всего остального оружия, по пистолету ТТ и по набору метательных ножей. Ну и, само собой разумеется, гранаты в достатке.

Корректировать огонь артиллерии Александр поручил Пилипенко. Незадолго до того, как по-осеннему красный диск солнца коснулся горизонта, где-то в лесу бухнул разрыв фугасного снаряда. Пилипенко, бубня в рацию, поведал артиллеристам, что разрыв снаряда он не заметил, и попросил перенести прицел влево двести, на той же дальности. Через полминуты фонтан грязи взвился из придорожной канавы, и чуть позже беглый огонь нескольких батарей накрыл Кляйнегерсдорф. Со стороны заходящего солнца на посёлок обрушились друг за другом пять звеньев штурмовиков Ил-2. Лётчики издали давали залп эрэсами, потом, приблизившись, обрушивали на дома и строения потоки пушечно-пулемётного огня и, проходя над целью, высыпали на неё серии мелких бомб. Но Чернышков не торопился начинать атаку, поджидая основной удар, который должна нанести фронтовая бомбардировочная авиация. Вскоре в разрывах облаков, под прикрытием вездесущих «ишачков», появились бомбардировщики Ил-4. Самолёты сделали плавный разворот и, снизившись до полукилометра, легли на боевой курс. На Кляйнегерсдорф страшно было смотреть. Вместо аккуратненьких домишек, мощёных улочек и уютных садиков после удара авиации и артналёта он стал представлять собой дикое месиво расщеплённых деревьев, горящих зданий и лунного ландшафта. Повсюду лежали тела немецких солдат и французских добровольцев. Только после того, как он убедился в том, что самолёты отбомбились, Чернышков повёл своих бойцов вперёд. Осназовцы рывком преодолели огороды, отделявшие дворы усадеб от леса, и начался бой. Дым от бомбёжки и пожаров застелил улицы, и бой сразу же перешёл в перестрелку на короткой дистанции.

В стихии боя Александр чувствовал себя как рыба в воде. Он кувырком в прыжке преодолел невысокий каменный заборчик и оказался на позиции миномётчиков. Немецкие артиллеристы, переживавшие бомбёжку в неглубоком окопчике, не ожидали увидеть выскочившего, как чёртик из табакерки, осназовца, и ему не составило особого труда положить их одной очередью из ППШ. Тем более что спину ему прикрывали два сержанта, прибывших с пополнением в его роту. И хотя для них это был первый бой в качестве разведчиков-диверсантов, порох они уже нюхали, ребята поливали из ППШ так, что Чернышков забеспокоился, как бы его не зацепили. Справа захлопали гулкие разрывы «лимонок». Это первый взвод начал зачистку домов. Короткие очереди ППШ, гулкие выстрелы СВТ, лающие трели «шмайсеров», разрывы «толкушек», все смешалось в дикую какофонию.

Чернышков, прикрываясь невысокими фруктовыми деревьями, подбежал к стене дома. На мгновение заглянул через окно внутрь, сразу отпрянул. Выхватил из кармана «лимонку»,

вытащил из нагрудного кармана «разгрузки» взрыватель, быстро вкрутил его и, дёрнув за кольцо, отсчитав до трех, кинул гранату в приоткрытую фрамугу. Взрыв вынес раму, и он сразу же после пролёта осколков перепрыгнул подоконник и оказался внутри. Следом за ним ужом скользнул Коля Грош, а второй, Юрка Платонов, остался на улице, прикрывая тыл.

В гостиной лежали два убитых немецких пулемётчика. Здоровенный МГ смотрел вдоль улицы, а медные змеи пулемётных лент струились у него под треногой. Майор, держа ППШ на уровне глаз, проскочил гостиную, следом за ним его напарник. Вдвоём они влетели на кухню – никого, стараясь не мельтешить в окнах, они проскользнули через узкий коридор к лестнице на второй этаж. Там наверху – какое-то шевеленье. Чернышков сквозь потолок всадил очередь из автомата, и в ответ раздался звук падения тела на пол.

– Гранату? – одними губами спросил Грош.

– Давай. – Чернышков протянул руку.

Сержант подал ему немецкую противопехотную гранату на длинной деревянной ручке, он открутил крышку на торце ручки, дёрнул за выпавшее колечко на шнурке и зашвырнул её на второй этаж. Бахнул разрыв, под потолок выполз язык сизого дыма, а осназовцы, перепрыгивая через четыре ступеньки, миновали лестницу. То, что они увидели, произвело шок на закалённого Чернышкова, а молодого Гроша просто вывернуло наизнанку. Посреди комнаты, раскинув руки, лежала немолодая женщина в чепчике, пронзённая пулями Чернышкова. А за маленьким диваном, рядом с развороченным паркетом, – тело старика без головы.

Чернышков на секунду остановился, похлопал сержанта по спине и, ничего не сказав, выскочил на улицу, под пули, подальше от этого места, которое он сделал страшным.

Через несколько минут сопротивление стало утихать. Со всех сторон к кирхе осназовцы вели немецких солдат. Без ремней, головных уборов, они представляли жалкое зрелище. На этот раз сдалось в плен на удивление много офицеров. Видимо, всем уже стала очевидна бессмысленность сопротивления. Зачем погибать за полуживого фюрера, за его бредовые идеи, которые в армии никто всерьёз и не воспринимал.

Чернышков, осмотрев пленных, дал приказание запереть их в ближайшем каменном сарае, поставить охрану. Быстро распределили позиции между взводами. Раненых – на перевязку в подвал большого каменного дома, тела убитых, а их трое из сотни, приказал спрятать в саду. А сам рванул к своему командному пункту, к рации. Передал генералу Пиотровскому о взятии опорного пункта, тот поблагодарил по-генеральски скупно, по-русски затейливо, этажей так в пять, и сразу же на передний край немецкой обороны обрушились тонны стали и взрывчатки, перемешав с землёй все доты и дзоты. В атаку пошли танки, Т-34 и Т-35. Первые выбивали своими орудиями и пулемётами расчёты противотанковых пушек, а вторые, пользуясь тем, что на каждом из них по восемь стволов, выметали все живое из окопов и траншей противника. После того, как линия обороны была даже не прорвана – пробита, в пролом пошла пехота, занимая рубеж и добивая всех, кто не успел сдаться.

Обгоняя их, в теснину помчались лёгкие танки и конники, стараясь как можно дальше продвинуть фронт наступления. На поле, изрытом воронками, появились сапёры, которые принялись за разминирование и прокладку дороги через траншеи и окопы. Красная Армия вновь повела наступление, которое в Полевом Уставе справедливо названо основным видом боя.

Майор Ле Пэн вышел на футбольное поле во главе своей команды. Его солдаты уже брали кубок армии по футболу. Это было два года назад, во время «сидячей», или как её называли вездесущие американские корреспонденты, «странной» войны. Теперь его противниками были эвакуированные и вообще-то подлежащие интернированию бельгийские войска. Но никаких приказов в отношении них из Парижа не последовало, и майор Ле Пэн собрал всех на футбольном поле. Первый тайм закончился со счётом 3: 0 в пользу подчинённых Ле Пэна, он сам дважды выходил на поле (перед матчем решили, что количество замен не ограничено). Второй

тайм начался с затяжной атаки бельгийцев. Их защитники то таранили центр обороны французов, то фланговыми атаками пытались выложить мяч на голову рослого полузащитника, но тот постоянно бил куда-то к угловому флажку. В одной из ответных контратак майор сам совершил резкое ускорение и почти прорвался один на один с вратарём, но лишний вес и лишние годы не позволили галльскому петушку ещё раз победно прокукарекать.

В это время по дороге, ведущей из Франции, подъехали четыре «Ганомага», заполненные людьми в камуфляже. Гробообразные бронетранспортёры, покрытые серыми и белыми полосами деформирующей маскировки, разбрызгивая рубчатými шинами передних колёс воду из луж и гремя гусеничными лентами по асфальту, встали рядом с футбольным полем.

– Союзнички пожаловали. – Ле Пэн зло сплюнул и в пику им продолжил, несмотря на одышку, своё занятие футболом. Белобрысый офицер в шлемофоне, восседающий в кабине головного «Ганомага», сидел не двигаясь, а позже раскурил контрабандную американскую сигарету.

– И когда эти долбаные гунны превратились из оккупационной армии в армию экспедиционную! – Ле Пэн получил пас и забросил мяч за спину защитника бельгийцев. Молодой французский лейтенантик рванул к воротам, пробил, но удар получился каким-то корявым, и вратарь без труда подобрал мяч.

Занятые футболом и все остальные перестали обращать внимание на пассажиров немецких бронетранспортёров.

Рота Чернышкова, после того как, вернувшись в своё расположение, собрала манатки и оседлала приданные ей немецкие трофейные бронетранспортёры, которые бойцы Красной Армии почему-то называли «Ганомагами», тоже вошла в прорыв. Преодолели разбитую огнём артиллерии дорогу и двинулись, догоняя передовой отряд. Дорога, по которой в прорыв вошло несколько корпусов, была забита как подвижными, так и не очень соединениями. Тут и кавалерия, с навьюченными на лошадей ПТРами и миномётами, и с прицепленными к миниатюрным зарядным ящикам пушками. Тут и пехота, посаженная на собранные по всей освобождённой Европе и отобранные у немцев бронетранспортёры. Тут и танки, большие, средние, быстроходные, плавающие. И самоходная и прицепная артиллерия. И грузовики с боеприпасами и топливом. Все рвётся вперёд, чтобы сокрушить последний оплот германского фашизма.

Когда командира роты Осназа вызвали к радиостанции, установленной на каждой из десяти его машин, Чернышков вовсе не удивился смене задачи, поставленной его подразделению. Ему предстояло, свернув на просёлочную дорогу, уходящую на юго-запад, проскочить на территорию Франции и с тыла атаковать бельгийские войска, ведущие обстрел наших частей с территории Бельгии. Дело могло осложниться возможным присутствием там французской армии, все-таки земля-то французская, но после стольких побед командование уже не слишком всерьёз воспринимало такие трудности.

Чернышков проскочил теснину между гор, покрытых вековыми деревьями и, проехав тридцать километров, добрался до уютного поселения. Два «Ганомага» с солдатами оставил на западной окраине, ещё четыре отправил охватить посёлок по периметру. А сам с четырьмя оставшимися въехал во французский пограничный посёлок. Ещё по дороге он заметил, как приветливо ему махали крестьяне, бредущие с вязанками хвороста за плечами. Понятно, что его бойцов принимали за немецких солдат так называемой экспедиционной армии. Машины немецкие, камуфляж интернациональный, а головные уборы у всех – каска, обтянутая тканевым чехлом, который зрительно искажал её форму, так что не грех и ошибиться. На главную улицу проехали без проблем. Но никого, кто бы мог его заинтересовать, Чернышков не встретил. А за штабом, или чем-то его заменяющим, на футбольном поле – целая баталия. Такое ощущение, что все население городка собралось здесь. Майор, махнув рукой, приказал своим подчинённым ехать туда. «Ганомаги» встали, вытянувшись вдоль лицевой линии. Чернышков

по-немецки поинтересовался у пробежавшего мимо солдатика, кто играет. Тот, не останавливаясь, пояснил, что французы с бельгийцами.

– Вот они, голубчики. – Майор по рации приказал всем приготовиться, но виду до поры до времени не подавать. Игра была в полном разгаре. Бельгийцы в зелёных армейских майках пытались прорвать оборону французов, но те, имея преимущество в счёте, могли оттянуть все силы назад, отвечая редкими контратаками. Наблюдая за игрой, можно было почувствовать и азарт, да и немалое мастерство команд. Они сейчас защищали честь своих стран, поэтому не жалели ни себя, ни противника. Несколько раз вспыхивала перебранка, когда судья, по старому судейскому обычаю, свистел в одну сторону, но до драки не доходило, – Европа, цивилизация!

После того как судья дал финальный свисток, а он и был для осназовцев сигналом к началу действия, двое наших солдат скрутили часового при штабе французского батальона. Два крайних «Ганомога», взревев двигателями и задымив сизым дымом весь проулок, встали у двух боковых линий футбольного поля. Из необъятных утроб бронетранспортёров выскочили осназовцы с автоматами наперевес и взяли в кольцо как бельгийцев, так и французов. Всех быстро согнали в центр, посадили на землю, руки за голову. Вычислили офицеров и сержантов. Им отвели отдельные круги.

Майор Ле Пэн попытался прорваться к Чернышкову, но потерял зубы от удара прикладом самозарядки. И было отчего досадовать Ле Пэну, ведь полтора года тому назад, в мае 1940-го, он точно так же вместе со своим батальоном попал в плен к «бранденбуржцам», немецким диверсантам. И точно так же во время международного матча по футболу. Но тогда было ещё обиднее, ведь матч англичанам они проиграли со счётом 8: 1.

Всех быстро обыскали, благо в спортивной форме утаить что-либо трудно. Чернышков по рации доложил генералу Пиотровскому о проведённой операции, получил нагоняй от него, а следом – благодарность от Черняховского за решительные и успешные действия. Через час в посёлок, уже с востока, вошли советские танки.

Париж. Ноябрь 1941 года

Объявление войны Советскому Союзу вызвало во всей Франции настоящий шок. Ещё недавно французские обыватели по скупым сообщениям радио и газет следили за продвижением Красной Армии, гадали, как скоро падёт ненавистный фашистский режим, и Франция наконец-то станет свободной. Свобода для француза превыше всего, и мысль о том, что милая страна находится под пятой вековечного врага, приносила невыносимую боль каждому гражданину республики. Сколько проклятий было обрушено на голову безголового маршала за год оккупации, никто не сможет подсчитать. И теперь этот старый паяц ещё и объявил войну освободителям.

Франция решилась. Постепенно, в ответ на мобилизацию, в самых разных уголках страны стали подниматься красные флаги. Рабочие, и объединённые коммунистами, и по собственному почину, начали воздвигать на улицах баррикады.

Кризис – это не растянутый во времени процесс, это мгновенное изменение ситуации. И при таком калейдоскопическом изменении всегда появляются новые вожди. Приходят, сметая и старых лидеров, и старую эпоху. И вот тогда-то и прозвучал с новой силой призыв известного до того лишь в узких кругах генерала де Голля: «К оружию!»

С этого момента во Франции развернулась самая настоящая, уже позабытая гражданская война. Немецкие оккупационные силы, совместно с коллаборационистской французской армией пытались и сражаться против Красной Армии, и вести контрпартизанскую войну, и обеспечивать людьми мобилизацию. И как всегда, когда кто-то пытается делать несколько дел сразу, результат оказался плачевным.

С де Голлем, скрывающимся в подполье, встретился один весьма приметный молодой человек. С тех пор Шарля де Голля иначе как «Президент» никто уже не называл, и сам Сталин в интервью Советскому радио отметил его несомненные успехи в борьбе против человеконенавистнической идеологии нацизма. А Президент в ответном интервью «Свободной Франции» поблагодарил Председателя Совнаркома СССР за огромную помощь и неоценимое боевое содружество в деле освобождения Европы от Гитлера.

Генерал Шарль де Голль, нескладный, длинный, носатый мужчина, глава французского Сопротивления, ехал на свою, может быть, самую важную в жизни встречу. Он мысленно прогонял в памяти события последнего времени. Это ведь он, а не хвалёные немецкие генералы, выстроил теорию применения подвижных, и тем более танковых войск. Это он теоретически обосновал и проверил на многочисленных манёврах использование танкового кулака против наступающих дивизий противника. Во время Великой войны противники столкнулись с так называемым позиционным тупиком. Стороны встали в позиционную оборону, перекопав поле боя многочисленными траншеями, загородившись минными полями и колючей проволокой. Пулемёты, способные скашивать даже траву на целых гектарах, сделали невозможным преодоление таких препятствий славной атакой, да и артиллерия, спрятанная за спиной обороняющейся пехоты, помогала уничтожить любого наступающего противника, сколько бы его ни было. Противоядие нашли быстро. К месту предполагаемого прорыва стаскивалась вся артиллерия, начиная с осадной и заканчивая самыми малыми калибрами гранатомётов и миномётов. На оборону противника обрушивался шквал огня и в течение нескольких часов выжигал все живое. Потом по полям, изрытым воронками, в бой шла пехота с винтовками наперевес. Если в огненном аду выживал какой-нибудь пулемётчик, то он мог положить много пехотинцев, но судьба его, как правило, была предрешена. А дальше, после того, как была прорвана первая линия обороны, наступающая пехота упиралась во вторую, но ведь для её преодоления нужно по изрытым воронками позициям проташить артиллерию, а командованию про-

тивника уже известно направление атаки. И он подтягивает, пользуясь достижениями индустриального века, войска. И зачастую может перебросить гораздо большее количество войск к месту прорыва, чем прорывающиеся войска. После этого наступающий отбрасывался в исходное положение, и уже противник искал счастья в другом удобном для себя месте. Выход из «позиционного тупика» и предложил де Голль. Нужно рвать фронт не столько артиллерией, сколько специально подготовленными группами сапёров. Они должны сделать проходы в минных полях, снять проволочные заграждения и, прикрываясь дымовой завесой, взорвать бетонные колпаки дотов. А после этого в прорыв должны идти подвижные войска и громить по очереди подбрасываемые резервы.

Франция не оценила интеллектуальный подвиг своего генерала, нет пророка в своём отечестве, тем более пророка из военных. Но написанная тем книга явно попала в немецкий генштаб. Так это или нет, но немцы все сделали в соответствии с рецептами Де Голля. Штурмовые группы сапёров громили любые оборонительные линии, а потом в прорыв устремлялись стальные кулаки танковых групп, сминая тылы и раскатывая подкрепление. Ведь одно дело, когда ты наступаешь, даже на лёгком танке на зарывшуюся в землю оборону. И совершенно другое, когда в чистом поле встречается пехотный полк и несколько танков. Судьба пехотинцев часто предрешена ещё до первого выстрела...

Но более всего де Голля ошеломило то, как быстро подняла лапки кверху его «свободолюбивая» Франция. Он поверить не мог, что всего лишь после двух недель боев, потеряв только одного бойца из тысячи, Франция сдалась, плюнула и на свободу для себя, и на будущее для своих детей, отдав их в вечное рабство гитлеровцам. Когда сопротивление оккупантам и вишистам, которое образовалось вокруг него, назвали «Свободной Францией», Шарль даже не смеялся. Он убеждал соратников, что нельзя так называть их организацию, что французы недостойны даже произносить слово «Свобода». Народу, который столько лет только и мог болтать о Свободе, а на самом деле предал её сразу же, нужно вообще запретить произносить это слово. Соратники убедили его, что следует простить и народ, и правящую элиту, и помочь им забыть этот позор, не напоминать народу о его предательстве, но де Голль не мог сломить себя. И когда от Сталина, признаваемого всей Европой жестоким тираном, поступило приглашение к переговорам, генерал, не думая ни секунды, согласился.

Он сначала пробрался по подложным документам в Швейцарию, и только потом, войдя в контакт с советским посольством, сел на самолёт советских ВВС и полетел в Москву. На московском аэродроме его, как полномочного представителя французского народа, встречал сам Молотов, глава внешнеполитического ведомства СССР. После того как вишисты объявили войну Союзу, посольство Франции переехало через советско-маньчжурскую границу в Японию, и остановиться стало негде. Де Голля поселили в отёле «Метрополь», расположенном всего в двух шагах от Красной площади, и уже на второй день, после очередной встречи с Молотовым, Шарль де Голль, руководитель «Свободной Франции», ехал на аудиенцию с самим Сталиным.

Гавр. Франция. Декабрь 1941 года

Теперь её звали Эрика фон Брокдорф. Девушка, втиснувшись в толпу, пробивалась к трапу одного из последних пароходов, отправляющихся в Америку. Билеты никто давно не проверял, теснившиеся беженцы прорвали все контрольные и таможенные препоны, считая, что только в тесном железном брюхе корабля они найдут спасение от волны краснозвёздных варваров. Слухи, распространяющиеся со скоростью звука, одни страшнее других, будоражили обывателей, побуждая совершать самые нелепые и страшные поступки. То кто-то видел советских десантников, выброшенных на парашютах в пригороде Бреста, то рассказывали о советских танках, которые прорвали позиции объединённых немецко-французских частей и приближаются к порту. Эрике все эти домыслы были внове, но она больше помалкивала. Надолго ли продлится такое немецко-французское единомыслие? Глядишь, и начнут французики, выслуживаясь перед Советским Союзом, арестовывать, а то и банально резать своих немецких союзников.

Весь север Франции уже захвачен войсками Красной Армии. Прорыв фронта в Арденнском лесу, осуществлённый маршалом Рокоссовским, вновь, как и полтора года назад, привёл к сотрясению всей системы обороны. Мехкорпуса, конно-механизированные группы, десанты – со всеми этими новыми методами ведения войны не научились бороться даже немцы, что уж говорить о французской армии, спешно восстановленной после заключения договора о взаимопомощи между Францией и Германией. Сталин не дал времени французам построить новую армию, а немцам – передать ей свой опыт. И советские маршалы успевали громить вновь сформированные дивизии быстрее, чем Европа успевала их одеть, обусть, вооружить. Громили по частям, до мелочей повторяя то, что здесь же проделали Манштейн и Гудериан полтора года назад. Рокоссовский вёл свои войска, широким полукружьем обходя Париж, на Нант, имея задачу отрезать Францию от Ла-Манша, а введённые в прорыв вслед за ним войска Жукова, Конева, Павлова, Кирпоноса, круто развернувшись на юг, веером начали наступление в сторону Средиземного моря.

Там, в Марселе, Тулоне и Тулузе, французские коммунисты подняли народ против войны, многотысячные акции протеста остановили все производство, парализовали работу госаппарата. Полиция оказалась не в силах справиться с хорошо организованными, имеющими богатые революционные традиции отрядами рабочих, и поэтому на них махнули в сердцах рукой, не до того...

Эрика пыталась попасть на пароход «Святой Августин», который одним из последних уходил в Америку. Нормальные капитаны либо уже давно отошли, либо отказались от такой рискованной затеи. Вся прибрежная полоса уже простреливалась с расположенных вокруг города высоток, да и самолёты Советов разбомбили пристани пассажирского порта. Но капитану «Августина», видно, не хотелось иметь дела с комиссарами, а уходить с пустыми руками в другую страну и в другую жизнь не позволяли принципы, и он решил рискнуть. Погрузку начал в грузовом порту под прикрытием огромных ангаров, закрывающих вид на грузовой причал. По шатким сходням на борт устремились и буржуа в добротных костюмах путешественников, и оборванные солдаты немецкой армии, решившие, что американцы в любом случае – меньшее зло по сравнению с безбашенными красноармейцами, и все остальные. Эрику под руку поддерживали ребята из прикрытия, которые сносно, намного лучше немцев, владели французским, а из-за ширины плеч и довольно уверенных взглядов исподлобья легко пресекали любую попытку проверить документы или встать на их пути. Последнего «прости» с ними не получилось, её просто поставили на шаткий мостик, соединяющий корабль с землёй, и толпа вознесла её на пароход, а затем опустила в тёмный и сырой трюм.

Через неделю «Святой Августин» прошёл под сенью факела статуи Свободы, которая была встречена с парохода вздохом облегчения, радостными криками и свистом.

Москва. Осень 1941 года

Сталин встретил де Голля посреди своего кремлёвского кабинета. Раскинув руки, по русскому обычаю приобнял, поддерживая под локоть, проводил до стола, на зеленом сукне которого были заботливо разложены карандаши, стопка бумаги, стояла бутылка боржоми и стаканы.

Не зная, с чего начать, де Голль замялся, но Сталин, на правах хозяина кабинета, начал разговор, вернее расспросы издалека:

– Как долетел? Как погода? Как де Голлю понравилась Москва? Как де Голль устроился в гостинице?

Постепенно разговор перешёл и на более важные темы – о нуждах Сопротивления, о планах командования «Свободной Франции», о послевоенном устройстве Европы.

Вскоре Сталин сам перешёл на французский и, отпустив переводчика, повёл гостя в свою кремлёвскую квартиру. Молодое вино, или, как называл его сам Иосиф Виссарионович, – «сок», наполнило бокалы. И не зря. Вождю Страны Советов нужно было решить ряд очень важных вопросов, таких, как царские долги Франции, оплата за поставки оружия повстанцам, и самое главное – гарантии для Советского Союза, что послевоенная Франция станет самым верным союзником СССР на западе Европы. Молодое вино помогло, подписание подготовленных секретариатом тов. Сталина документов назначили на следующий день.

САСШ, Нью-Йорк. Декабрь 1941 года

Толстый, рыжий, с неприятными оспинами на лице и с кислым запахом изо рта, американский таможенник довольно быстро растребушил небольшой саквояж Эрики и, вывалив на стол его содержимое, профессиональными движениями стал распределять, что конфисковать в «пользу» американского «народа», а что оставить беженке из разорённой Европы. В итоге из неплохого, по меркам её запросов, гардероба в саквояж вернулись лишь пара белья, пудреница, что-то по мелочовке. От прелестных чулок, мечты любой нормальной девушки, от кружевных блузок и, самое главное, от двух австрийских платьев таможенник её избавил, свалив их в бесформенную кучу около своего стола. Ей ещё повезло. Одну немочку, которая начала было возмущаться таким подходом, бесцеремонно утащили в подсобку, куда по очереди, оставляя свои рабочие места, отправились несколько таможенников. С мужчинами вообще не церемонились. Всех молодых немцев и французов сразу же, под страшными угрозами, вербовали в американскую армию, и те, подписав контракт, без выхода из таможенной зоны, отправлялись на другой пароход, идущий в южные штаты. Северная Америка, которую атаковали японцы в Перл-Харборе, нуждалась в пушечном мясе. Беженцы из охваченной огнём войны Европы были как нельзя кстати.

На паспортном контроле пожилой американец повертел в руках австрийский паспорт Эрики, но, по его пониманию, такой страны уже или ещё не было, и он предложил ей принять американское гражданство. В связи с принятием Закона «О желательных беженцах», по которому из Европы высасывались интеллектуальные и инженерные кадры, паспортная служба могла в некоторых случаях предоставлять беженцам американское гражданство без долгих проволочек. Непонятно, чем Эрика понравилась старому ирландцу, может, была похожа на его внука, а скорее всего он просто вспомнил, как сам лет сорок назад прорывался в Нью-Йорк. Только он безо всякой мзды, просто так, выписал ей паспорт на имя Эрика Фон, возиться с её труднопроизносимой фамилией ему было недосуг, и новая гражданка Америки вступила на территорию Северо-Американских Соединённых Штатов.

Так, почти без усилий с её стороны, она прошла одну из самых сложных частей работы разведчика-нелегала: внедрение и легализацию. Далее ей предстояла дорога в Вашингтон, столицу Штатов, но перед этим нужно было навестить некоего дядю Сему, немолодого еврея, содержателя маленького бистро на Брайтон-Бич.

Нью-Йорк встретил её неласково, словно предчувствуя, какую трагическую роль ей предстоит сыграть в его судьбе. Громада морского вокзала шипела в её сторону струями пара из обветшавшей системы отопления. Нависающие со всех сторон, закрывающие не только солнце, но и само небо здания, острыми шпильями своими царапающие низкие фиолетовые тучи, словно стремились раздавить ещё одну букашку, попавшую в паутину мегаполиса. Грохот отбойных молотков, рушащих очередной, отживший своё небоскрёб, визг циркулярных пил, вибрация трамваев и паровозов, вторгающихся в самый центр огромного города. И поток людей, словно муравьи, топающих по дорожкам, прописанным миллионнолетним инстинктом, не поднимающих глаза и бегущих, бегущих, бегущих...

Эрика с несколькими пересадками сначала на старом дребезжащем трамвае, потом на ободранном такси, управляемом вертлявым итальянцем, добралась до кафе, название которого в переводе с английского звучало как «Вечерний Люблин». Там её, казалось, ждали, но сделали паузу, и она сама тоже не торопилась. Заказала кофе и аппетитную булочку, посыпанную какими-то крошками. На корабле с питанием было совсем плохо, но там новые впечатления притупили чувство голода, которое проснулось вновь, едва она переступила порог заведения, и из декабрьской нью-йоркской мороси попала в мир запахов свежего хлеба, чего-то мясного и

рыбного. Когда она насладились чудесным кофе, осилила еду и сделала вид, что собирается уйти, к ней со счётом подошёл кругленький толстощёкий еврейский мальчик в переднике.

– Это ведь заведение дяди Семы?

– Да, мэм.

– А могу я переговорить с хозяином?

– Проблемы с расчётом, мэм?

– Что ты, малыш. Вот, возьми... – она протянула банкноту в сто долларов, явно озадачив молодого официанта. – Теперь вы позовёте хозяина? И сдачу не забудьте!

– Легко, мэм.

Только вместо хозяина из-за барной стойки вышел сам Павел Судостроев, чем вверг новоявленную американку даже не в изумление, а в панику.

Спустя несколько часов в купе экспресса Нью-Йорк – Вашингтон они пили дорожный коньяк, и Эрика вспоминала, каких ужасов натерпелась и по дороге в Гавр, и в морском путешествии, и особенно в поездке по Нью-Йорку. Даже всплакнула. А Судостроев не очень утешал её, но все равно рассказал, что из почти сорока разведчиков, которых он пытался забросить в Америку, пользуясь массовым исходом беженцев из Европы, она прошла первой. Остальные пока не смогли пройти. Несколько девчонок погибли на военных дорогах Франции. Одна была убита пьяным матросом на пароходе, когда попыталась оказать сопротивление при изнасиловании. Пожилую чету расшифровали американские контрразведчики. Молодых парней всех отправили служить в американскую армию, скорее всего они уже на пути к островам в Тихом океане. Поэтому он считает, что и у тех, кто пока не вышел на связь, шансов остаться в живых почти нет, и все силы будут направлены на обеспечение её работы.

На следующее утро, после того как, прибыв в Вашингтон, они устроились в гостинице, Хорхе Родригес, так сейчас звался Судостроев, побывав в нескольких квартирных бюро, а потом за огромные деньги, по причине военного времени, взял в прокате автомобиль, и они поехали выбирать жильё в аренду для Эрики. Приглянувшийся домик в Арлингтоне, пригороде Вашингтона, Судостроев оплатил, не скупясь, за полгода вперёд, обговорив обязательные комиссионные, как для «себя», так и для своей «юридической конторы», чем вызвал неподдельное восхищение маклера.

А для Эрики, выросшей в коммуналке Наро-Фоминска, это жильё предстало как сказочный дворец. Вообще, на неё произвели впечатление и небоскрёбы Нью-Йорка, и построенные в помпезном стиле неоклассицизма административные здания Вашингтона, но вот своё гнёздышко – это не укладывалось в голове. Шикарная гостиная, кухня – на первом этаже, красивая лестница на второй этаж, две спальни с ванной наверху, уютный солнечный дворик, о таком стоило бы мечтать. Эрика побродила по дворику, не решаясь почувствовать себя хозяйкой такого богатства, но вскоре Хорхе закончил переговоры с маклером и пригласил её в дом.

– А теперь о деле... – Судостроев устроился на диване в гостиной, придвинув журнальный столик к нему. – Вот на первое время. – Он достал из своего портфеля увесистый свёрток. – Здесь сто тысяч, особенно деньгами не сори, помни, что ты бедная эмигрантка.

– Сто тысяч! Долларов?

– Больше пока не могу, это тебе на полгода, при разумной экономии можно спокойно прожить. Тем более что Америка вступила в войну, всякие крутые деликатесы исчезнут, так что соблазнов не будет.

– Павел Анатольевич, да куда такие деньжищи!

– Меня зовут Хорхе, Эрика, привыкай, здесь нет Павлов, а тем более, Анатольевичей. Далее, руководство пока задач разведывательного плана тебе не ставит. Поэтому – учи язык, привыкай к обычаям, вливайся потихоньку в жизнь «общества». Понимаешь, о каком обществе

идёт речь. Информации о профсоюзах и рабочих кружках у нас по уши. Нам нужен выход в самые верха. Как?

– Действительно, как?

– А вот на этот вопрос ты сама мне должна дать ответ в следующую встречу. Как вариант, предлагаю попробовать себя в чем-нибудь интеллигентском, например в рисовании. В школе какую отметку по рисованию имела?

– Пять баллов, но ведь это же только школа...

– Открою страшную тайну, наша средняя школа, по сравнению с американской – как два московских университета. Попробуй, авось звездой станешь. Будут у тебя великие художники зависать, старого доброго Хорхе и не вспомнишь.

– Шутите все, товарищ Хорхе!

– Какие уж тут шутки. В общем, твоя основная задача – стать своей в столице. Ты под патронажем товарища Берии, поэтому любые, даже самые экстравагантные выходки в Союзе никого не смутят. Побольше хорошей, доброй наглости, американцы это любят. Если возникнут действительно серьёзные проблемы – связь через дядю Сему. Но это – на самый экстренный случай. Помни, что девяносто девять процентов разведчиков провалились на связи. Эрика, постарайся решать свои вопросы сама.

– А какие вопросы могут возникнуть?

– Какие? Ну, например, откуда деньгишки?

– Наследство.

– А как ты его через границу перевезла, ведь в декларации его не было. Потом, а почему вы, фрау, не ходите в церковь, вы ведь представитель дворянского рода, должны соблюдать правила приличия...

– У нас, у нацистов... – в шутку начала оправдываться девушка.

– Забудь про нацистов! – Голос Судостроева вмиг приобрёл жёсткость и даже злость. – Забудь вообще про немцев. Если тебя и будут колоть, так это как раз та тема, к которой прицепятся. Никаких гансов в окрестностях! От любого бежишь к ближайшему полицейскому.

– Так серьёзно?

– А ты что, до сих пор не поняла всю серьёзность своей работы? Да то, что ты до сих пор жива – чудо! Ты думаешь, я от нечего делать трачу столько времени на твоё устройство. Нет, наверно, действительно придётся заняться тобою вплотную.

Решение её вопроса Судостроев нашёл поздно ночью, проведя несколько телефонных переговоров. В итоге «бывшая баронесса» пригласила к себе на службу некоего Вернера Штольца, «беженца» от режима Гитлера, который перебрался в США три года назад, но до сего времени так и не нашёл себя на «земле обетованной», бродяжничая по южным штатам. На следующий день Вернер Штолец, сухонький старичок неопределённого возраста, появился в доме баронессы и сразу приступил к обязанностям мажордома.

А ещё через день Судостроев покинул гостеприимный дом, и Эрика наконец по-настоящему почувствовала себя хозяйкой своего гнёздышка.

Вашингтон. Осень 1941 года

Обладательница немалого богатства, Эрика Фон уже на второй день своей новой жизни отправилась знакомиться с местными достопримечательностями. Парикмахерская, бакалейная лавка, булочная, почта – все находилось в двух шагах от её дома. Не обманули риелторы. Действительно, чуть более высокая цена за дом сторицей оправдывалась удобным его расположением. Невдалеке – протестантская церковь. За углом – полицейский участок и аж два пивных бара. Такое ощущение, что американцы изголодались по спиртному за время «сухого закона» и теперь пытаются впрок создать запас спирта в организме. Всезнающий Вернер объяснил ей самые простые правила поведения в США, все гораздо проще, нежели учили её в разведшколе, но простота эта требует не просто знания – привычки.

Здесь не принято улыбаться незнакомым мужчинам, а то ещё подумают черт знает что, и уж упаси Бог, улыбнуться негру. Их вообще не принято замечать. Зато в общении с «равными» просто необходимо излучать дружелюбие. Видимо, привычка ведёт свою историю со времён освоения Дикого Запада, когда за кривой взгляд могли и пристрелить, а улыбка в тридцать два зуба спасала от такого исхода.

Ещё неделя прошла в поисках, чем заняться, ну не сидеть же в самом деле с утра до вечера перед радио. Эрика вспомнила совет Судостроева о том, чтобы направить свои усилия на творческую стезю, но из её опыта на ниве живописи остались настолько страшные произведения, что никаким авангардизмом или кубизмом не прикроешь полное отсутствие маломальского навыка, не говоря уже о таланте. В поэтессы она даже и не пробовала «пойти», точно зная не только о своей нелюбви к рифмованному слову, но и помня, с каким трудом давалось ей заучивание в школе даже самых простых стихотворений.

Про свои спортивные успехи ей ещё в Союзе, в разведшколе, приказали забыть. И Штольц подтвердил – негоже богатой наследнице махать руками и ногами, ещё увидит кто, и ладно, что примут за оригиналку, а если заподозрят в чем. Сразу же быть стуку в полицию. Национальным спортом американцев всегда был и навсегда останется донос, по какому бы поводу он ни случился.

И вот на исходе следующей недели в дом к Эрике постучалась старушка в чепчике. Представилась миссис Эмилией Стоун, председательницей местного общества женщин-протестанток.

Штольц сразу же проводил Эмилию в гостиную, налил чаю и представил ей Эрику Фон, наследницу, беженку из Европы. Эмилия о Европе знала только что та где-то существует. Ей гораздо интереснее было, что это за новая девица появилась в их квартале. И какая от неё польза может быть организованному лично ею, Эмилией, обществу. Она оценила на пять баллов убранство дома, одобрила выбор дворецкого, который, несмотря на классовую неприязнь, изо всех сил старался понравиться, хотя едва удержался, чтобы не плюнуть в чай старой гарпии. В завершение визита старая дама пригласила Эрику на заседание клуба, которое состоится в ближайшую среду. И предложила подумать о сумме взноса в общество, а также прихватить с собой для чаепития вон того печенья, очень оно у вас вкусное.

В следующую среду Эрика в чепчике и с корзинкой печенья отправилась в библиотеку, служащую клубом для положительных женщин городка.

Эмилия долго и нудно знакомила её с такими же бабушками, как и она сама, предлагала им попробовать печенья и с гордостью рассказывала о приключениях Эрики во время бегства из Австрии через всю Европу в Америку. При этом Эрике трижды пришлось объяснять, почему она просто не взяла такси или просто не села на поезд. После этого женщины приняли её в своё маленькое сообщество и пообещали, что в этом городке, а тем более в квартале, все её

проблемы будут разрешены в самое кратчайшее время. И одна из них натолкнула Эрику на мысль открыть кондитерскую лавку. Уж больно печенье вкусное...

Москва, Кремль. Осень 1941 года

У французского генерала голова кругом шла от всех этих встреч, совещаний, фуршетов. Он жал руки тем самым людям, о которых читал ещё в Академии. Будённый, отец стратегии «глубокой наступательной операции», прообраза «блицкрига». Шапошников, его труд «Мозг Армии» о работе штабов во время войны де Голль мог цитировать страницами наизусть. Жаль, не дожил, погиб, убитый заговорщиками Триандафиллов. Именно его труды – развитие теории Будённого – и положил в основу своей концепции современной войны французский генерал.

О де Голле заговорили в Европе, о нем стали писать американские, английские и французские газеты, его признали лидером не только подпольной «Свободной Франции», но и, в пику правительству в Виши, лидером самой Франции. Как кусали себе локти англичане, можно только догадываться, но Шарль помнил их холодные улыбки и напускное непонимание, когда он, чудом вырвавшись из лап немецких оккупантов, обивал пороги английских ведомств. Тогда английская бюрократия сработала на пять: обозначили противника для немцев, поставили галочки в пропагандистских отчётах, что французы и после падения Франции остаются союзниками, и на этом – все.

А Сталин и не торговался вовсе. Все что надо – на, бери. Оружие? Пожалуйста! Средства связи? Да сколько душа потребует! Uniforma? С этим труднее, но есть трофейная польская, если подойдёт – нет проблем! Только ордерочек подпиши. И де Голль подписывал. Списал долги царского правительства, резонно полагая, что возврата их уже никогда не будет. Если Россия, обессиленная Гражданской войной, не пошла на это, то победив всю Европу, не пойдёт и давно.

Сталин сам завёл разговор о бронетанковом вооружении будущей французской армии и, как туза из рукава, достал предложение выкупить французские танки, которые сначала были захвачены Гитлером, а потом достались Советам в качестве трофеев при их первом ударе по Германии. Всего их набралось три с половиной тысячи, чуть ли не больше, чем собственно немецких. Де Голль был поражён масштабом предательства Франции. Такая силища, а он прекрасно знал боевые свойства этих танков, не сломала хребет немецким танковым группам и была сдана врагу.

Ещё больше он был поражён Советским Союзом. Чем основательнее он знакомился со страной, тем яснее он представлял все преимущества, которые дал России социализм. В его восприятии, сформированном вековыми совокупными пропагандистскими усилиями европейцев, Россия – это страна варваров, и никогда ей не светит никакое будущее. Ну, может, лишь в качестве колонии или младшего партнёра одной из европейских держав. Пусть поставляет пушечное мясо и отобранное у голодных крестьян масло по дешёвке в Европу.

А здесь! Одной поездки на метро хватило, чтобы потрясти до основания все его жизненные устои. А новые здания, а широкие проспекты? А люди, все как один читающие что-то? Он в вагоне метро ухитрился подглядеть, что читал молодой крепыш в футболке, и был поражён ещё больше, когда увидел, что тот изучает книгу по французскому средневековому зодчеству.

В магазинах самый полный набор продуктов, и, судя по всему, цены, даже в связи с войной, не поднялись, ну разве что за счёт инфляции. В Большом театре, расположенном совсем недалеко от «Метрополя», премьеры спектаклей. Театралы, как и на парижских премьерах, ищут лишний билетик, и так же, как в Париже, у некоторых личностей таковой «случайно» находится, правда, по цене несколько более высокой, чем в кассе.

Борис Шапошников на следующей встрече в Генштабе объявил де Голлю, что командование РККА из взятых в плен солдат французской армии уже сформировало три пехотные (точнее, стрелковые, так он выразился) дивизии. Они полностью вооружены своим оружием, обмундированы в свою форму и управляются своими же командирами. Правда, пришлось

самых старших офицеров сместить, а среди других произвести повышение на одну ступень, да ввести кое-какие изменения в обмундирование, но в остальном дивизии полностью боеготовны.

Де Голль поблагодарил Советский Генштаб за заботу и вечером вновь встретился со Сталиным, Калининым и Молотовым. Сначала они подвели итоги своей совместной работы, а потом Сталин пригласил их на «обед», и они все вместе поехали к нему на дачу.

Чем больше де Голль узнавал Сталина, тем больше он ему удивлялся. Скромность, не показная, а настоящая, какую не сыграешь, была у него во всем. И в одежде, и в поведении, и в убранстве жилья и кабинетов. И везде книги, десятки, сотни книг. По их корешкам видно, что это не «парадные» тома, а постоянно используемые. И незачем удивляться тому, что вся страна учится – каков поп, таков и приход.

За столом на даче у Сталина прислуживала пожилая женщина. По всему было видно, что это не специальная прислуга, как бывает у руководителей других государств, а так, домосмотрительница. Более того, Сталин, после того как женщина принесла на стол множество всякой снеди, её отпустил, взяв на себя труд разливать вино и подкладывать в тарелки гостям ароматное мясо, густо приправленное специями.

Сначала разговор не клеился, мешали сидящий, словно проглотивший кол, Молотов и слишком рано набравшийся Калинин. Но Сталину почему-то было важно их присутствие на этом ужине. И позднее, уже в самолёте, несущем его на запад, де Голль понял, почему. Молотов – зам главы правительства, а Калинин – спикер местного парламента. Все, о чем они договорились, как бы освящалось ими. Сталин вёл переговоры, даже за столом, не только и не столько как глава компартии, а как глава российского государства. Его первый заместитель и «всесоюзный староста» подтверждали своим присутствием его полномочия.

Спать де Голль остался у Сталина, благо на даче места хватало. И когда он уже засыпал на диване, он слышал, как во двор дачи заехал автомобиль, а по голосу узнал в позднем посетителе Василевского, заместителя начальника Генштаба. Сталин и после плотного ужина с вином остался в состоянии принять одного из высших руководителей воюющей армии.

Пригород Вашингтона. Декабрь 1941 года

Вернер Штольц, услышав от Эрики, что ей предложили заняться выпечкой печенья, сел в «Додж», автомобиль, купленный им для поездок по делам хозяйства, и уехал в город. Только к вечеру он смог вернуться и сразу же приступил к приготовлению ужина для «мисс».

Когда «мисс» спросила его, где он пропадал весь день, Штольц, как и положено уважающему себя дворецкому, чуть помедлил с ответом, а потом принёс и подал на серебряном подносе конверт с бумагами. Надпись на первой странице, сделанная золотыми буквами на чёрном фоне, гласила: «Корпорация „Доминатор“, а чуть пониже, тоже золотом – имя владелицы: госпожа Эрика Фон.

– Что ж, фирму мы зарегистрировали, остаётся теперь её «раскрутить», – голос Штольца изливал елей.

– А дальше что? – Эрика повертела в руках регистрационные документы.

– Дальше? Ну как минимум надо печь печенье и предлагать его в бакалейные лавки.

– Для чего вообще все это?

– Эрика, нам нужно поговорить. Предлагаю подняться в кабинет, я сейчас туда принесу кофе, коньяк и... боюсь, разговор затянется.

Эрика поднялась в кабинет, села в кресло у окна и стала ждать Штольца. Тот чем-то гремел на кухне, а ей вспомнилось то чувство отчаяния, когда она одна-одинёшенька шла по грохочущему и грязному Нью-Йорку на встречу к «дяде Семе». Кажется, как давно это было, а на самом деле прошло только две недели. Она чуть взгрустнула, представив расстояние, разделяющее её и Родину, и в этот же по-мазохистски сладостный миг в кабинет вошёл Штольц, несущий целую гору всякого съестного и выпивки. Он поставил поднос на кофейный столик, а на столе разложил документы, принесённые им из мэрии.

– Для начала, – предложил он, – давай снова познакомимся.

– Привет, меня зовут Эрика. – Эрику начал забавлять важный тон дворецкого.

– Госпожа Фон, я серьёзен. Меня действительно зовут Вернер Штольц, только о моей судьбе не знает всего даже господин Родригес. Я не только был гофмаршалом в одном прусском поместье. Я ещё был и достаточно крутым боевиком «Красного Фронта». Когда наши в тридцатых проиграли нацистам борьбу за власть, я был вынужден бежать из Германии и уже семь лет мыкаюсь по Америке. Повидал на своём веку – не пересказать словами. Не знаю, каким чудом Родригес нашёл меня, но я буду благодарен ему до гробовой доски. – Вернер с трудом глотал комок в горле и сдерживал слезы.

– Успокойся, Вернер. Никто теперь тебя не обидит, тем более нет причин беспокоиться о твоей работе или благополучии. – Эрика достаточно близко к сердцу приняла то, о чем ей говорил этот маленький длинноносый человечек, с неизменной серьёзностью произносящий всегда: «Чай подан, мисс».

– Я ведь вижу, что ты не разведчица, тем более не резидентка. Понятно, что тебя забросили, как это русские говорят – «на авось». Только ведь ты ещё и не обосновалась здесь как положено. Вот ты радовалась, что была принята местным сообществом. Хочешь, предскажу твою будущую судьбу?

– Давай, очень интересно.

– Да пожалуйста. Сначала ты привыкнешь к окружающему тебя комфорту. Привыкнешь ко всей этой роскоши, и уже не до дел твоих тебе будет. Почему? Да потому что много нового и интересного в жизни сокрыто. Пока тебя будет финансировать Хорхе, тебе и делать ничего не придётся. Потом Родригес, ввиду твоей явной бесполезности, перестанет давать тебе деньги. И покатишься ты по наклонной. Сначала богемные мальчишки и седые богатые плейбои, затем планка будет падать все ниже и ниже, пока ты не обнаружишь себя в дешёвом баре, без кола,

без двора, и даже без косметики. Ты захочешь переиграть всю свою жизнь, но это пока никому не удавалось.

– Ты жесток, старик.

– Я видел жизнь. И я бы хотел многое сделать по-другому, с сегодняшним опытом я бы совсем иначе построил свою жизнь, только опыт этот пришёл ко мне слишком поздно. У меня нет детей, и именно поэтому, если можно, я хочу помочь тебе избежать ошибок, которые сам совершил в жизни. Знаешь, какая самая большая ошибка? Недооценивать себя. Неважно, что думают и говорят о тебе окружающие, важно, что ты всегда сам готов совершить невозможное. То есть подвиг. Предлагаю тебе совершить подвиг. Господин Родригес, по нему видно, много бывал в Европе. И потому судит об Америке, как о Европе. Но Америка – не Россия и не Европа. Здесь другие ценности и другие приоритеты. На богему здесь смотрят, как на людей второго сорта. Впрочем, на простых людей смотрят, как на третий сорт. Кто здесь вне подозрений, прямо как жена Цезаря? Правильно, бизнесмены. Белая кость – голубая кровь Америки. Вот и нам надо войти именно в этот круг. Без успехов там грош нам цена и как резидентам, и как подпольщикам. А вот здесь и кроется самая большая опасность. Погоня за миллионами – это занятие затягивает похлеще, чем опиум. И очень скоро тебе трудно будет говорить с тем же Хорхе, а тем более ты не сможешь понять, о чем тебе толкует какая-нибудь мать-одиночка, которой нечем накормить детей.

– Ты в чем меня подозреваешь? В том, что я не смогу устоять перед богатством?

– А ты уже не смогла устоять...

– Говори!

– За это время мы с тобой потратили столько денег, сколько хватило бы, чтобы прокормить пять рабочих семей полгода.

– Ну так переезд, устройство и все такое.

– А деликатесы, а наряды по сотне долларов за штуку, а всякие безделушки. И вот ведь что самое неприятное для меня. Мы эти деньги не заработали, и неизвестно, откуда они у Родригеса. Может, он их у голодных русских детей отнял, чтобы нас здесь устроить, а мы шикуюем.

– Не мы, а я. Я все поняла, Вернер. Говори дело.

– А дело простое, надо засучить рукава и приниматься за работу. С моими знаниями и с твоей молодостью, а также с нашим тевтонским умом и нашей немецкой настойчивостью нам по силам сотворить чудо. Чудо будет называться: корпорация «Доминатор».

Трир. Германия. Осень 1941 года

Генерал де Голль летел над Германией в самолёте, четырехмоторном красавце, любезно предоставленном Сталиным французскому Народно-освободительному комитету. Легко Сталину дарить такие подарки. Самолёт-то – трофей, из-под Геринга забранный, но все равно, черт подери, удобно и приятно. Де Голль все время возвращался в памяти к последнему разговору с советским вождём. Пытался анализировать, но его все время преследовало ощущение, что Сталин, который его во всем мягко убеждал, нет, убеждал не то слово, он вроде бы подводил его к выводам, которые де Голль делал сам, но как он это проделывал, де Голль не мог понять.

Как трехчасовое общение могло сделать из него искреннего приверженца новой архитектуры Европы, он ума не мог приложить. Ведь не столько немцы, а в этом раньше был убеждён генерал, сколько янки и англичане – истинные враги и Европы, и всего континента. Именно они, Морган и Барухи, взрастили Гитлера и, как волкодава, спустили с цепи на беззащитную Европу. А другие – Херсты и Чемберлены – вложили в его руки не только оружие, самое страшное – они убедили немцев в том, что путь, предложенный Гитлером, и есть настоящий, стоящий путь для энергичного и развивающегося народа. Сталину удалось укротить этого волкодава, но в этом ли дело? А если Сталин прав, если поражение Германии вовсе не означает конец этой войне. Ведь де Голль прекрасно помнил, что на пятнадцатое мая 1940 года французским Генштабом было запланировано начало войны против Советского Союза. И в Генштабе все считали не только вероятным, но и обязательным условием поражения СССР вступление Германии в войну против России. Только Гитлер не стал ждать, и десятого числа начал наступление на запад. Все было решено уже через две недели. Война, правда, шла ещё полтора месяца, но это уже были конвульсии французской армии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.